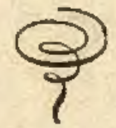

И 320/121

О ЯЗЫКОЗНАНІИ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

М. И. Сухомлинова.

Отдѣльные оттиски изъ I-й книги Ученыхъ Записокъ, издаваемыхъ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1854.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Ноябрь 1854 года.

Непремѣнный Секретарь *П. Фусъ.*

О ЯЗЫКОЗНАНІИ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Высокое значеніе языка, какъ предмета изслѣдованія и наблюденій, единодушно признаваемое учеными, подтверждается и самою исторіею народной образованности. Языкъ остается неизмѣнно однимъ изъ предметовъ, привлекающихъ къ себѣ любознательность при различныхъ степеняхъ развитія науки у народа. Даже въ числѣ древнѣйшихъ памятниковъ ея у нѣкоторыхъ народовъ встрѣчаются и замѣчанія о языкѣ, болѣе или менѣе значительныя, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Исторія Русской образованности представляетъ съ своей стороны нѣсколько любопытныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ.

По убѣжденію прелковъ нашихъ, языкъ есть высокій даръ человѣку, неизмѣримо возвышающій его надъ «безсловесными», какъ издревле назывались у насъ животныя неразумныя, въ отличіе отъ человѣка, существа мыслящаго и говорящаго. Хотя и другія животныя владѣютъ способностію издавать звуки; но языкъ, по свидѣтельству нашихъ древнихъ памятниковъ, есть знакъ единственно человѣческой природы, указывающій въ въ человѣкѣ избранника Божія, любимое созданіе Творческой

Силы: «Якоже и коневи рзание, и псоу брехание, и волови рютье, и лютомоу звери риканье дано есть, да то ихъ знаменье есть: такоже и человѣкоу слово, да его то знаменье. Тоже его градъ, тоже его сила, тоже оружье, тоже и стѣна. Сь животенъ боголюбенъ кромѣ всѣхъ животовъ симъ почтенъ есть» [1]). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ нашей древней словесности такъ обозначается отличіе человѣка отъ другихъ существъ небесныхъ и земныхъ: «Члвка созда Бгъ междоу англъ и скота: кромѣ англъ гнѣвомъ и похотию, а кромѣ скота словомъ и смысломъ» [2]). То есть, физическія движенія удаляютъ человѣка отъ природы ангельской, а слово и мысль возвышаютъ его надъ міромъ животныхъ.

Чистота и правильность языка считалась залогомъ чистоты и правильности религіозныхъ вѣрованій; соблюденіе законовъ языка вмѣнялось въ необходимую потребность сочиненію, излагавшему истины Вѣры. Въ языкѣ видѣли выраженіе внутренней жизни, мысли и чувства человѣка; языкомъ — вѣрили твердо — говорила душа. Еще въ XI столѣтіи выраженіе псалма: «Пойте Богу нашему въ гусляхъ», понимали такъ: «въ гусляхъ, т. е. съ душою. Гусли есть душа, а цѣвница языкъ: ибо безъ него не можетъ говорить душа» [3]). Языкъ почитаемъ былъ необходимымъ и совершеннѣйшимъ орудіемъ ума. Умъ приводитъ въ движеніе языкъ, какъ художникъ приводитъ въ движеніе музыкальное орудіе: — подобная мысль выражается въ другомъ объясненіи того же псалма, извѣстномъ также съ весьма давняго времени въ Славянскомъ переводѣ [4]). Слово и мысль признаваемы были нераздѣльными въ человѣкѣ. Сознаніе этой истины

[1]) Рукопись «Пчела», гл. 13 — о ученіи и о бесѣдѣ; списк. XIV — XV в.

[2]) Описаніе рукописей Румянц. Музеума, *Востокова*, стр. 230 и 238.

[3]) Рукописные отрывки изъ Псалтыри съ толкованіемъ, XI в.; въ бывшемъ Погодинск. книгохранилищѣ. Пс. 97, 5: «Поите Боу нашемоу въ гѫслехъ: съ дшеѭ сиречь гѫсли бо дша ѥсть а цѣвьница ѩзыкъ. без него бо дша не можеть глати.» Толкованіе приписывается св. Аѳанасію, архіепископу Александрійскому.

[4]) Псалтырь съ толкованіемъ Ѳеодорита, епископа Кирскаго. Рпсь XV в. въ Румянц. музеумѣ, № 334 по описан. Востокова. «Творим же и мы словесны гѹсли — наша телеса; струнъ мѣсто — зубы; въ мѣди же мѣсто — оустнами; всакого бо ѩзычьца быстрѣе ѩзыкъ, движим състроенъ глас творить. Движеть ж ѩзыкомъ оумъ, ѩкоже гласникъ строител движеніе его творя» (л. 172 об.).

восходитъ къ глубокой древности, къ первымъ началамъ нашей образованности. Съ особенною убѣдительностью и силою выражено оно св. Іосифомъ, нашимъ древнимъ мыслителемъ, прославившимся своими сочиненіями противъ еретиковъ, которые, по замѣчанію одного изъ новыхъ ученыхъ, имѣютъ значеніе въ развитіи нашей умственной жизни, какъ представители преимущественно раціональнаго направленія[1]). Доводы св. Іосифа отличаются удивительною послѣдовательностью и здравомысліемъ. Таинственное отношеніе Лицъ Святой Троицы онъ сравниваетъ со взаимнымъ отношеніемъ слова и выражаемой словомъ мысли. Три Лица Святой Троицы, одного и того же естества и существа, говоритъ авторъ; но Отецъ не рожденъ, Сынъ рождается отъ Отца, какъ свѣтъ отъ солнца, *какъ слово отъ ума*[2]). Такъ какъ душа и языкъ, мысль и слово тѣсно связаны между собою, то и вѣрнѣйшій путь дѣйствовать на душу заключается въ языкѣ: «мечь язвитъ тѣло, а слово — умъ», говорится въ одномъ древне-Русскомъ произведеніи, извѣстномъ въ спискѣ XIV вѣка[3]).

Подобное же понятіе о высокомъ назначеніи слова обнаруживается въ названіи его зеркаломъ души: «слово подобно есть зерцалу: якоже тѣмъ образъ телесныи и личьныи являеться, також е и бесѣдою душевныи образъ образоуемъ назнаменоуетсѧ.... Слово одѣваеть душю образомъ»[4]).

Слово чтили какъ святыню и вѣрили въ него какъ въ благодатнаго вѣстника: «ластовици тишиноу намъ проповѣдають весноую, а моудрая словеса безпечалье.» Поэтому словомъ должно было пользоваться съ уваженіемъ, а не употреблять его попусту: «Оудобь есть камень вьсоуе поустити, нежели слово

---

[1]) Ученыя Записки, изд. Казанск. Университ., 1843, кн. III, *В. Григоровича:* Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ, стр. 121.

[2]) Рпсь Румянц. Муз. № 204. 1-е Слово св. Іосифа Волоколамскаго на Новгородскихъ еретиковъ: «въкоупѣ бо Ѡць и Снъ и Стыи Дхъ; но Ѡцъ оубѡ и нероженъ, Снъ же и рожденіе Ѡчее, ꙗко ѿ слнца свѣт, и ѿ оума слово; Дхъ же Стыи и исхѡжденіе Ѡчее» (л. 16 об.).

[3]) Златая чепь — рпсь Троицко-Сергіевой Лавры: «мечь ꙗзвить тѣло, а слово оумъ, и жестко слово ражаеть ꙗрость; зло бо ѥсть невиноватому неправое слово л. 56).

[4]) Сборникъ «Пчела», гл. 15.

праздно.» Нельзя было не дорожить словомъ, когда, однажды сказавшись, оно уже не можетъ быть возвращено сказавшему: — эту мысль одинаковымъ сравненіемъ выразила и устная и письменная словесность наша. Въ древней рукописи читаемъ: «ни птицы оупоущены скоро можеши опять яти, ни слова изъ оустъ вылетѣвъшь възвратити ти можеши и яти» (Пчела, гл. 20). «Слово не воробей — говоритъ пословица — вылетитъ, не поймаешь.» Другая пословица говоритъ: «Слово выпустишь, такъ и виломъ не втащишь*).

Замѣчательно, что одно и то же выраженіе употреблялось и объ исхожденіи души изъ тѣла и о произнесеніи слова, исходящаго изъ глубины души. Понятія: «испустить духъ» и «вымолвить слово», на поэтическомъ языкѣ Русскомъ XII вѣка выражались такъ: «выронить жемчужную душу», «выронить золотое слово.» Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится о князѣ Изяславѣ Васильковичѣ: «единъ же *изрони* жемчюжну *душу* изъ храбра тѣла», а о Святославѣ: «Тогда Великіи Святславъ *изрони* злато *слово* слезами смѣшено и рече: о моя сыновчя» и пр.

Выразивъ уваженіе свое къ языку признаніемъ его неразрывнаго родства съ мыслью, предки наши оставили много слѣдовъ и того, что умственная дѣятельность ихъ обращалась къ языку, къ наблюденью его свойствъ и особенностей. Слѣды эти частью только мелькаютъ въ массѣ фактовъ, относящихся къ другимъ предметамъ, занимавшимъ мысль или воображеніе нашихъ древнихъ писателей; частью же видимы ясно, отчетливо, обнаруживаясь цѣлымъ рядомъ произведеній, исключительно посвященныхъ языку. Изъ числа первыхъ можно вспомнить о замѣчательномъ мнѣніи касательно внутренняго смысла, заключеннаго въ именахъ. Это мнѣніе имѣло множество представителей, начиная съ Платона и Аристотеля въ древности, номиналистовъ и реалистовъ въ средніе вѣка, и потомъ съ достопамятнаго Санкція (Franciscus Sanctius) въ XVI в. до Куръ-де-Жебелена и другихъ филологовъ XVIII столѣтія. Много занимались въ Европѣ вопросомъ о томъ, какимъ образомъ предметы получили названія, по одной ли случайности или по не-

*) Русскія пословицы и притчи, изд. Снегиревымъ, 1848, стр. 373 — 374.

обходимой причинѣ, условливаемой самою сущностью предметовъ. Люди ученые и люди съ однимъ только здравымъ смысломъ и наклонностью къ размышленію высказывали свои мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Какого же мнѣнія держались наши древніе книжники? За неимѣніемъ опредѣленныхъ указаній намъ остается искать по крайней мѣрѣ намековъ, и, если встрѣтятся подобные намеки, не оставлять ихъ совершенно безъ вниманія. Такъ можно примѣтить, что лѣтописцы иногда въ названіи лица извѣстнымъ именемъ видѣли какъ бы не одинъ слѣпой случай, а нѣчто болѣе: замѣчали соотвѣтствіе между именемъ и характеромъ носившаго это имя. Несторъ говоритъ въ Жизнеописаніи св. Θеодосія, что когда новорожденнаго принесли по обычаю къ священнику для нареченія имени, то «прозвутеръ же видѣвъ дѣтища, сердечными очима *прозря* еже о немъ, яко хощеть измлада *Богу датися*, *Федосьемь* того нарѣцаеть.» Слѣдовательно Несторъ понималъ значеніе Греческаго слова Θεοδόσιος, составленнаго изъ двухъ словъ: Θεός (Богъ) и *δίδωμι* (даю). А чтобы понимать, онъ долженъ былъ или знать Греческій языкъ, или имѣть подъ рукою Славянское объясненіе иностранныхъ словъ; въ послѣднемъ случаѣ является новое доказательство, что словарные опыты возникаютъ у насъ или у нашихъ соплеменниковъ — ранѣе XI столѣтія. Описывая погребеніе Романа Ростиславича, сконч. 1180 г., лѣтописецъ влагаетъ въ уста плачущихъ надъ гробомъ слѣдующую похвалу достойному князю: «Царю мой благый, кроткый, смиреный, правдивый! — говоритъ княгиня — *воистину тебѣ нарчено имя Романъ*, всею добродѣтелію сый подобенъ ему, многія досады прія отъ Смолнянъ, и не видѣ тя, господине, николи же противу ихъ злу никотораго зла въздающа, но на Бозѣ вся покладывая провожаше» *). Это же самое причитанье буквально повторяется, также устами княгини, при извѣстіи подъ 1288 г. о кончинѣ Владиміра Васильковича, имѣвшаго христіанское имя Ивана: «Царю мой благый, кроткый, смиреный, правдивый! *воистину наречено бысть тобѣ имя во крещеньи Иванъ*, всею добродѣтелью подобенъ есь ему: многыа досады пріимъ отъ своихъ сродникъ, не ви-

---

*) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. 2, стр. 123.

дѣхъ тя, господине мой, николи же противу ихъ злу ни котораго же зла воздающа, но на Бозѣ вся покладывая провожаше»[1]). За повѣствованіемъ объ убіеніи Святополкомъ князей Бориса и Глѣба слѣдуетъ въ паремейникѣ замѣчаніе, что Святополкъ несправедливо носитъ имя, коего недостоинъ убійца. «Сею бо кровь и до кончины вѣка не престаетъ вопиющи къ Богу на безаконнаго и гордаго *Святополка*, паче же рѣку *Поганополка*, безъглавнаго звѣри»[2]). Такимъ же образомъ въ одной рукописи XVI в. разлагается имя *Богумилъ:* «Въ земли Блъгарстѣй быстъ попъ, именемъ *Богумилъ*, а по истинѣ рещи *Богу-не-милъ*[3]). Въ послѣдствіи отыскиваніе смысла именъ обратилось въ литературный обычай. Въ исторіи дьяка Грибоѣдова, компилировавшаго Степенныя Книги и Лѣтопись Палицына, указывается на царственное призваніе св. Владиміра, выразившееся и въ языческомъ его имени — Владиміръ (владыка міра) и въ христіанскомъ — Василій (βασιλεύς — царь). О великомъ князѣ Ярославѣ Грибоѣдовъ говоритъ: «Ярославъ, во святомъ крещеніи *Георгій;* якоже убо толкуется сіе имя *Божіе дѣло: воистину убо Божіе дѣло* есть сій богоподражательный сынъ и наслѣдникъ равноапостольнаго князя Владиміра Святаго»[4]). Совершенно то же желаніе видѣть сокровенный смыслъ въ именахъ, какъ бы предназначеніе, замѣтно и въ писателяхъ, обогащавшихъ литературу народовъ намъ соплеменныхъ. Жизнеописатель св. Станислава признаетъ въ трудѣ своемъ, относящемся къ XIII вѣку, что уже самое имя Станислава означаетъ, что онъ избранникъ Божій. Авторъ производитъ имя *Stanislaus* отъ *stans laus*, или *instans laudi*, или *statio laudis: stetit* enim vir Dei *Stanislaus* in *laude* Dei propensius et *laus* Dei in ore ejus, qui ex omni corde *laudavit* Deum, qui fecit eum»[5]).

Стремленіе осмыслить слова повело къ объясненію ихъ значенія, большею частью весьма наивному. Этимологическія наивно-

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 220.

[2]) Іоаннъ, экзархъ Болгарскій; изслѣд. *Калайдовича*, стр. 100.

[3]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. I, Приложенія, стр. 253.

[4]) Исторія Грибоѣдова. Рпсь Рум. Муз. № 83.

[5]) Vita S. Stanislai, ed. *Bandtkie*. Varsoviae, 1824. (При хроникѣ Мартина Галла).

сти Тредьяковскаго и Сумарокова имѣютъ зародышъ свой уже въ XI вѣкѣ. Описывая единоборство Русскаго отрока съ Печенѣжиномъ при Владимірѣ, Несторъ такъ объясняетъ происхожденіе собственнаго имени города: «Размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почастася крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша на нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и *Переяславль*, зане *перея славу* отрокъ отъ» [1]). Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается у Нестора такое разложеніе собственнаго имени народа: «*Срацини* отъ Измаила творяться *Сарини*, и прозваша имена собѣ *Саракыне*, рекше: *Сарини есмы*» [2]). Густинская лѣтопись упоминаетъ о различныхъ производствахъ нашего народнаго имени: «Но откуду взятся сему славному народу сіе именованіе *Русь*, лѣтописци различнѣ повѣдаютъ. Едины глаголютъ, яко отъ *Росса* князя полунощного; иныи отъ рѣки глаголемыя *Рось;* иныи отъ *русыхъ* власовъ, понеже въ сей странѣ изъ сицевыми власы мнози обрѣтаются; *конечнѣе* же глаголютъ, яко отъ *розсѣянія Россія* именуется.» Помирившись съ производствомъ имени *Россіи* отъ *разсѣянія*, лѣтописецъ при исчисленіи именъ, подъ коими являлись Славяне въ исторіи, даетъ такой толкъ одному изъ нихъ — Роксоланы: *Роксоляны*, акибы *Русь* и *Аляны*» [3]).

Всѣ приведенные факты не болѣе, какъ намеки, отрывочныя замѣтки; собственно же къ памятникамъ филологической дѣятельности въ древній періодъ нашей словесности принадлежатъ грамматики и такъ называемые азбуковники, словари. Первыя занимаются свойствами одного, общедоступнаго для Русскихъ языка. Рукописныхъ грамматикъ извѣстно значительное количество, и всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ два главные отдѣла, соотвѣтствующіе двумъ редакціямъ: до появленія печатныхъ грамматикъ Зизанія и Смотрицкаго, и послѣ ихъ

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 53.

[2]) Тамъ же, I, 99.

[3]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II: Густинская лѣтопись, стр. 236.

появленія. Въ составъ азбуковниковъ вошло множество словъ и понятій иностранныхъ, и въ этомъ отношеніи они представляютъ весьма любопытное литературное явленіе. Кромѣ того, азбуковники любопытны и по разнообразію своего содержанія, представляя обильную пищу для современныхъ имъ читателей и служа однимъ изъ давнихъ образцовъ энциклопедическихъ сочиненій въ Европѣ. Нѣкоторые изъ списковъ носятъ такое заглавіе: «Алфавитъ книга премудрая имѣя въ себѣ *24 языка.*» Въ число двадцати четырехъ входятъ большею частію слѣдующіе языки: Арабскій, Армянскій, Греческій, Еврейскій, Еллинскій, Еѳіопскій, Жидовскій, Иверскій, Индійскій, Латинскій, Литовскій, Македонскій, Мидскій, Пермскій, Персидскій, Римскій, Русскій, Сербскій, Сирскій, Скиѳскій, Словенскій, Татарскій, Хананскій, Чешскій, и др. Смѣсь и невѣрность въ исчисленіи очевидны; но онѣ находятся не только въ Русскихъ, но и во всѣхъ другихъ филологическихъ сочиненіяхъ XVI вѣка. Довольно указать на трудъ Конрада Гесснера, бывшаго корифеемъ современной ему Европейской учености. Я имѣю въ виду Гесснеровъ — *Mithridates*, de differentiis linguarum, tum veterum, tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt, observationes. Tiguri. 1555. Въ этомъ сборникѣ языки областей, государствъ и частей свѣта перемѣшаны между собою: подрѣчіе одного изъ нарѣчій Славянскихъ — *Кашубское* стоитъ рядомъ съ языкомъ цѣлаго племени въ Европѣ — *Кельтскимъ;* языки Московскій, Мозамбикскій, Каппадокійскій, Лаконскій, Халдейскій и т. д. слѣдуютъ одинъ за другимъ по одному азбучному порядку. Въ отдѣлѣ каждаго языка сообщаются извѣстія о народѣ вообще, употребляющемъ этотъ языкъ, въ родѣ слѣдующихъ о народѣ Русскомъ: Русскіе не занимаются медициной (rationalis medicina) и астрологіей (sideralis scientia); имѣютъ отечественныя лѣтописи; кромѣ лѣтописей удерживаютъ воспоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ, Римскихъ цезаряхъ, Антоніѣ и Клеопатрѣ, и т. п. Будучи сборниками энциклопедическими, и наши алфавиты знакомили читателей съ бытомъ народа, географіей, исторіей. При словѣ Вретанія сказано: «островъ великъ, въ длину 1000, а въ ширину 300 верстъ, а живутъ въ немъ человѣцы два рода, Каледоне и Меате, гра-

довъ и жилищъ не имуть, но пребываютъ въ горахъ и поляхъ пустыхъ, нази и необувени, земли не дѣлаютъ, но питаются паствою воловъ и овощіемъ», и мн. др. При имени *Епикуръ:* «философъ еллинскій вельми честенъ, того ради вси учащіеся у него епикуры философы нарицахуся; *Аристофанъ* — пѣснотворецъ еллинскій», и т. п. Собственно филологическая сторона нашихъ азбуковниковъ состоитъ въ объясненіи, болѣе или менѣе удачномъ, многихъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ письменный Русскій языкъ. Такъ слово *архіепископъ* объясняется: «*начало посетителемъ:* по-Гречески *архъ*, а по-Русски *начало;* по-Гречески *епископъ*, а по-Русски *посетитель.*» За этимъ слѣдуетъ историческое объясненіе: «Святіи бо Христовы апостоли поставляху епископовъ по градомъ да укрѣпляютъ вѣрныхъ и да посѣщаютъ ихъ, рекше *назираютъ*, добре ли Христіане вѣру хранятъ.... *Вивлія* — слово Греческое; *стихарь* — Греческое; *корвана* — Еврейское — *даръ; костелъ* — Латинское; *комканіе* — Латинское, по-Русски — *причастіе; кодексъ* нарицется книга, содержащая въ себѣ многія книги, подобно Библіи; *астьквучи* (Чешское) бѣлъ или чистъ; *витязе* (Сербское) — бояре; *витаетъ* (Сербское) — путь мимоидя въ дому чьемъ почіетъ или колико дней пребудетъ, и то наречется *витаніе; астролози* — звѣздословцы, *астрономы* — звѣздозаконники, *астрономія* — звѣздозаконіе», и т. д. Не имѣя въ настоящемъ случаѣ въ виду изслѣдованія о двухъ первенцахъ нашей филологіи, ограничиваюсь замѣчаніемъ, что какого бы рода и значенія ни были первыя начала филологическихъ трудовъ въ Россіи, во всякомъ случаѣ возможенъ вопросъ о связи, въ которой они находились съ современнымъ имъ состояніемъ языкознанія. Практика всегда въ связи съ теоріей; и матеріалъ, накопленный посредствомъ знакомства съ иностранными языками и изученія языка отечественнаго, могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на характеръ первыхъ филологическихъ опытовъ. Вотъ одна изъ причинъ, побудившая насъ представить обозрѣніе круга языкознанія въ древней Россіи. Другая же и главнѣйшая причина нашего выбора заключается въ томъ, что состояніе языкознанія у народа служитъ однимъ изъ выраженій его образованности, и поэтому входитъ, какъ черта, въ исторію внутренняго быта народа. Изслѣдованіе

круга и характера языкознанія можетъ познакомить и съ политическимъ бытомъ народа и съ направленіемъ его образованности. Знаніе языковъ пріобрѣтается двумя путями: практическимъ, отъ навыка, посредствомъ сношеній съ иностранными народами, или теоретически, изученіемъ языка съ извѣстною цѣлью. Въ первомъ случаѣ факты языкознанія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и факты сношеній съ иностранцами, матеріалъ для политической исторіи народа; во второмъ они опредѣляютъ нравственные интересы народа, особенности его умственной жизни. Языкъ принимаетъ въ себя живые слѣды народной образованности. Самый выборъ извѣстнаго языка, какъ орудія образованности, указываетъ уже на ея характеръ. Оставаясь же въ теченіе продолжительныхъ періодовъ орудіемъ литературы, языкъ проникается ея направленіемъ до такой степени, что образуетъ съ нею одно нераздѣльное цѣлое, которое и наблюдать необходимо въ его совокупности. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, приступаемъ къ разсмотрѣнію избраннаго предмета, не стараясь строить произвольную систему, неопирающуюся на фактахъ, а желая основывать свои выводы на положительныхъ свидѣтельствахъ отечественной старины. Въ порядкѣ изложенія постараемся также не измѣнить пути, указываемаго самимъ предметомъ. Въ древней Россіи языкознаніе имѣло и практическое и теоретическое направленія. Знакомство съ нѣкоторыми языками было слѣдствіемъ необходимости и легкости узнавать говоръ народа, съ которымъ предки наши бывали въ соприкосновеніи. Иные же языки изучались какъ средство для цѣлей высшихъ: то какъ проводники религіозныхъ убѣжденій, то какъ условіе образованности. Сообразно съ характеромъ, который принимало знаніе языковъ, предлагаемъ обозрѣніе наше въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, связанныхъ между собою единствомъ главнаго предмета.

Знакомство съ иностранными языками въ древней Россіи пріобрѣталось прежде всего въ слѣдствіе сношеній съ иностранными народами. Поэтому хотя вкратцѣ упомянемъ объ историческихъ свидѣтельствахъ касательно сношеній нашихъ съ иностранцами въ теченіе древняго періода, и потомъ перейдемъ къ обозрѣнію историческихъ же свидѣтельствъ объ орудіи этихъ сношеній — языкѣ.

Русь съ древнѣйшихъ временъ была въ разнообразномъ соприкосновеніи и съ чужеплеменными сосѣдями и съ народами отдаленными, обитавшими въ трехъ частяхъ свѣта: Европѣ, Азіи и Африкѣ. Постоянныя путешествія Русскихъ въ чужіе края и пребываніе иностранцевъ въ Россію образовали у предковъ нашихъ мысль о повсюдной извѣстности нашего отечества. Русскій писатель XI вѣка, М. Иларіонъ, говоритъ о древнихъ князьяхъ (Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ): «не въ худѣ бо и не въ невѣдоми земли владычьствоваша, но въ *Русской, яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земля»* *). Изъ народовъ ближайшихъ къ Руси, частью и обитавшихъ въ ея предѣлахъ, древняя лѣтопись называетъ слѣдующіе: Печенѣгы, Касогы, Козары, Чудь, Ятвягы, Литва, Ямь, Торкы, Половци, Голяди, Торкъмени, Хвалиси, Кумани (рекше Половци), Югра, Печера, Самоядь. Еще Несторъ, говоря въ началѣ своего повѣствованія о племенахъ Славянскихъ, называетъ данниками Руси слѣдующіе народы: Чудь, Мерю, Весь, Мурому, Черемись, Мордву, Пермь, Печеру, Ямь, Литву, Зимиголу, Корсь, Норову, Либь, замѣчая, что «си суть своі языкъ имуще.» Изъ народовъ болѣе отдаленныхъ отъ Руси и рѣже проникавшихъ въ ея предѣлы, древніе памятники письменности нашей сохранили имена Поляковъ, Чеховъ, Венгровъ, Литовцевъ, Болгаръ, Нѣмцевъ, Грековъ, Венеціанъ и другихъ. Несторъ упоминаетъ уже о сношеніяхъ съ Ляхами, Мазовшанами, Литвою, Чехами, Уграми, Нѣмцами; на югѣ съ Болгарами и Греками.

Именами народовъ называются въ лѣтописи и обитаемыя ими страны; Болгары, Ляхи, Греки значило Болгарія, Польша, Греція и пр.: въ 1024 г. былъ голодъ въ Суздальской странѣ

---

*) Прибавленіе къ твореніямъ Св. Отцевъ, ч. II, 1844, стр. 239.

и «идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары и привезоша жито и тако ожиша»; въ 1159 г.: «иде Изяславъ въ Вятичѣ»; встрѣчаются выраженія: «не води Ляховъ Кыеву», «зая Грьки и зая у нихъ имѣнье», и вмѣстѣ «приде Ярополкъ изъ Ляховъ«, «приде Олегъ изъ Грекъ» [1]) и т. п. Чехи упоминаются не только въ поговорочномъ выраженіи о Святополкѣ «прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехи»; но и въ смыслѣ несомнѣннаго историческаго факта; въ 1076 г. Володиміръ Всеволодовичъ и Олегъ Святославичъ ходили «Ляхомъ въ помочь на Чехы.» «Нѣмцы» въ лѣтописи XI в. употреблялось въ смыслѣ Нѣмецкой Имперіи, какъ можно судить по тому, что о посольствѣ Нѣмецкаго императора Генриха IV въ 1075 г. въ Россію сказано: «придоша сли изъ Нѣмецъ»», которымъ Святославъ показывалъ, величаясь, множество золота и серебра и паволокъ; но они сказали: «се ни въ что же есть, се бо лежить мертво; сего суть кметье луче, мужи бо ся доищуть и болше сего» [2]). Кромѣ названія отдѣльнаго народа, слово «Нѣмцы» имѣло преимущественно общій смыслъ, означая всѣхъ иностранцевъ безъ опредѣленія народности. Глубокою древностью отзываются слова лѣтописца: «Югра же людье есть языкъ *нѣмъ*»; значенье это удержалось и въ позднѣйшія времена; такъ въ нашихъ старинныхъ космографіяхъ и ландкартахъ говорится объ Америкѣ, что она «взыскана отъ Шпанскихъ и Французскихъ Нѣмецъ» [3]). Особенно часто древняя лѣтопись вспоминаетъ имя Грековъ, ибо древняя Русь была въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Греціею. Съ Греками Русскіе имѣли переговоры еще до водворенія въ Русской землѣ Христовой вѣры, какъ можно заключить и изъ договоровъ Олега и Игоря и по лѣтописнымъ извѣстіямъ въ родѣ слѣдующей бесѣды Русскаго посла съ Греками въ 971 году: «Святославъ посла къ Грекомъ, глаголя: «хочю на вы ити, взяти градъ вашь, яко и сей (Переяславецъ)», и рѣша Грьци: «мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою,

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 64, 74, 88.

[2]) Тамъ же, I, 85. Ср. Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, т. II, стр. 85 — 86, изд. Смирдина 1851.

[3]) Ср. *Полеваго:* О географическихъ свѣдѣніяхъ древнихъ Россіянъ, въ «Очеркахъ Русской литературы», ч. 2, стр. 426, и т. п.

и повѣжьте ны колько васъ, да вдамы по числу на главы», и рече имъ Святославъ: «есть насъ 20 тысящь», и прирече 10 тысящь»[1]). Въ послѣдствіи связь Руси съ Греціею была преимущественно религіозная. Та же религіозная цѣль обнаруживается и въ древнѣйшихъ сношеніяхъ нашихъ съ другими частями свѣта: по свидѣтельству лѣтописей, св. Владиміръ посылалъ пословъ въ Іерусалимъ, Египетъ и другія страны, служившія нѣкогда мѣстопребываніемъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ. Въ Степенной Книгѣ говорится, что св. Владиміръ «посылаше гостей и пословъ своихъ, идѣже есть благочестивая вѣра Христіанская, во Іерусалимъ же и во Египетъ, да и тамо увѣсть богоугодныхъ мужей пребываніе и церковное благолѣпіе; инѣхъ же въ Римъ посылаше, другихъ же и въ Вавилонъ, не яко Латинскихъ и Ассирійскихъ законъ испытуя, по обычаевъ коеяждо земли соглядая, да отъ всѣхъ разумно будетъ ему»[2]). Съ другой стороны путешественники изъ Египта, Сиріи и другихъ восточныхъ странъ часто посѣщали Русскую землю, вѣроятно въ слѣдствіе преслѣдованія христіанъ магометанами, достигшаго крайней лютости въ концѣ X и началѣ XI столѣтія[3]). Кромѣ религіозныхъ, были у насъ сношенія и политическія и торговыя со многими иностранными народами. Извѣстны брачные союзы древнихъ князей нашихъ: еще Святославъ женилъ сына своего Ярополка на Гречанкѣ «красоты ради лица ея», замѣчаетъ лѣтописецъ, вспоминая о прекрасной «Грекинѣ» подъ 977 годомъ[4]); но она выдана замужъ ранѣе, ибо лѣтопись говоритъ ясно: «бѣ бо привелъ отець его *Святославъ* и *вда* ю за

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 29.

[2]) Книга Степенная, 1775, ч. I, стр. 170; то же извѣстіе въ «Русской лѣтописи» по Никонову списку, 1767, ч. I, стр. 111; то же у Татищева въ Исторіи подъ 1001 годомъ. Это свидѣтельство нашихъ позднѣйшихъ лѣтописей признаетъ достойнымъ вѣроятія авторъ ученаго изслѣдованія о Церкви Русской при св. Владимірѣ, помѣщеннаго въ Христіанскомъ Чтеніи» за 1853 годъ.

[3]) Христіанское Чтеніе. 1853. Іюнь. Церковь Русская во дни св. Владиміра и Ярослава (окончаніе), стр. 474 — 475. Въ подтвержденіе сказаннаго приведено въ этой статьѣ свидѣтельство древняго жизнеописанія препод. Θеодосія: «и се пріидоша страннпци въ градъ той.... и въпроси ихъ (Θеодосій), откуду суть и камо грядутъ; онѣмъ же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмы, и аще Богу волящу воспять хощемъ ити.»

[4]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 32.

Ярополка», а Святославъ умеръ въ 972 г.. Сыновья Ярослава, внуки Владиміра св., были женаты: Изяславъ на сестрѣ Казимира Польскаго, Всеволодъ на Греческой царевнѣ; дочери Ярослава были замужемъ: Анна за Французскимъ королемъ Генрихомъ I, Анастасія за Венгерскимъ королемъ Андреемъ I; Нѣмецкій императоръ Генрихъ IV былъ женатъ, какъ полагаетъ Карамзинъ, на Аннѣ или Янкѣ, одной изъ дочерей Всеволода: лѣтописецъ западный, не называя ея имени, говоритъ только: imperator duxit filiam regis Russorum», и передаетъ при этомъ любопытный разсказъ о цѣломудріи Русской княжны[1]). Но если извѣстія о бракахъ владѣтельныхъ особъ и кажутся нѣкоторымъ не вполнѣ убѣдительными касательно вліянія ихъ на сношенія ихъ между подданными[2]); то мы имѣемъ положительныя, восходящія къ XII вѣку, свидѣтельства о томъ, что сношенія съ иностранцами не ограничивались княжескими семействами, а производились между самими народами. Когда Святославъ, отецъ Игоря Сѣверскаго, разгромилъ землю Поло-

[1]) О брачныхъ союзахъ княжескихъ въ древней Руси см. *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. Пстр. 34 — 38, изд. Смирдина, 1851, и примѣчанія ко 2-му тому: 40 — 48 и 157. Также *Погодина:* Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, т. III, 1846, стр. 93 — 99.

[2]) Г. Погодинъ (Изслѣдованія и пр., т. III, стр. 97) замѣчаетъ, что «нѣкоторыя изъ сихъ извѣстій (о княжескихъ бракахъ) должны быть еще подвергнуты критикѣ, и имѣютъ нужду или въ подкрѣпленіяхъ, или въ поясненіяхъ,... свидѣтельства важны, а возраженія натянуты.» Сисмонди, признавая достовѣрность извѣстія о бракѣ Русской княжны Анны съ Французскимъ королемъ Генрихомъ I, видитъ въ немъ доказательство именно того, что Русь не имѣла рѣшительно никакихъ сношеній съ западною Европою. Въ своей «Histoire des Français» Сисмонди говоритъ: «Il parait qu'il (т. е. Ярославъ) fit offrir sa fille à l'empereur Henri I (1043). Cette négociation révéla cependant à la France l'existence, non seulement de la princesse Anne, mais meme des Russes, dont il est probable que la cour de Henri I n'avait encore jamais entendu parler. Ce roi découragé par la perte des deux premières princesses, qui ne lui avaient point donné des fils, sentant qu'il avançoit en âge, et attribuant leur mort prématurée à un jugement du ciel, parce que, sans s'en douter, il s'etait peut-être apparenté avec elles dans quelqu'un des degrés prohibés par les lois canoniques, résolut de chercher une femme si loin de lui, qu'il fût bien sûr de n'avoir avec elle aucune sorte de parenté.» Histoire des Français par Simonde de Sismondi. 1823, т. IV, стр. 265 — 267. Карамзинъ также объясняетъ выборъ Генриха I боязнью подпасть осужденію папы за кровосмѣшеніе съ родственницей, хотя бы самою далекою: будучи свойственникомъ государей сосѣдственныхъ, Генрихъ искалъ себѣ невѣсты въ странѣ отдаленной. Карамзинъ въ этомъ слѣдовалъ мнѣнію Левека въ его «Memoire sur les anciennes rélations de la France avec la Russie.» См. *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, изд. 1851, т. II, стр. 36 и примѣчаніе 42.

вецкую, и самъ Кобякъ явился во дворцѣ Святослава, тогда, по выраженію Слова о полку Игоревѣ, «ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю»: изъ этихъ народовъ Русскіе узнали Венеціанъ впервые во время крестовыхъ походовъ [1]). Въ высшей степени замѣчательно свидѣтельство древнѣйшаго лѣтописца Польскаго Мартина Галла; оно показываетъ, что Русскій народъ издревле находился въ сношеніяхъ съ другими Европейскими народами и эти сношенія служили даже поводомъ для знакомства Европейцевъ съ нашими западными соплеменниками: Мартинъ Галлъ счелъ нужнымъ въ началѣ своей хроники сдѣлать краткій статистическій очеркъ Польши, потому что, говоря его собственными словами, «regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi *transeuntibus in Russiam* pro mercimonio paucis nota» [2]). Эти путники въ Россію, очевидно, были западные Европейцы, а цѣль ихъ путешествія, торговля, указываетъ ихъ непосредственное сношеніе съ массою народа. Только иго Монгольское разъединило на время Россію съ остальною Европою; но съ ослабленіемъ его снова возникаютъ разнообразныя сношенія иноземныя: по свидѣтельству лѣтописи, въ 1489 году, въ теченіе одного мѣсяца, были отправлены посольства во многія страны на западъ и югъ Европы. Въ мартѣ 1499 года пришелъ «посолъ къ великому князю на Москву отъ Шамахѣйскаго государя, отъ Махмуда салтана, и посольство правилъ о любви. Того же мѣсяца марта послалъ князь великый посолствомъ Дмитрея Иванова сына Ралева Грека да Митрофана Ѳедорова сына Карачарова за море до Италійскыхъ странъ о своихъ потребахъ; да съ ними же вмѣстѣ послалъ Михаіла Погожего посольствомъ въ Краковъ къ Албрехту королю Полскому, а изъ Кракова послы поидоша къ Угорьскому королю Владиславу, а оттолѣ въ Венецѣю. Того же мѣсяца марта послалъ князя великый въ Царьгородъ къ Баазитъ салтану съ грамоты Олешу Голохвастова. Того же лѣта, іюня 1, послалъ князь вели-

---

[1]) Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 352. Русскія достопамятности, часть III, стр. 110.

[2]) Martini Galli Chronicon, ed. *Bandtkie*. Varsov. 1824, стр. 13—14.

кый посолствомъ на подводахъ въ Литву Третьяка Висилья Долматова»[1]).

Всѣ эти разнообразныя сношенія заставляютъ необходимо допустить существованіе способовъ взаимнаго сообщенія. Эти способы опредѣлялись характеромъ и продолжительностью сношеній, а также и степенью образованности иностраннаго народа: съ народцами незначительными, столкновенія съ коими были рѣдки и только случайны, довольствовались нѣмымъ объясненіемъ посредствомъ жестовъ; съ иными народами совѣщались при помощи переводчиковъ, толмачей; съ нѣкоторыми объяснялись на ихъ языкѣ. Такъ на сѣверѣ жилъ народъ Югра, и одинъ Новгородецъ сказывалъ препод. Нестору, что отрокъ его ходилъ «въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку: суть горы заiдуче луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть *не разумѣти языку ихъ*, но кажуть на желѣзо и *помавають рукою, просяще* желѣза; и аще кто дать имь ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою противу»[2]). Весьма естественно, что къ подобному разговору тѣлодвиженіями прибѣгали иногда въ древней Руси, какъ должны были прибѣгать къ нему всѣ Европейскіе путешественники при первой встрѣчѣ съ народами дикими; но само собою разумѣется, что такой способъ объясненія слишкомъ недостаточенъ и возможенъ только на первыхъ порахъ знакомства съ чужеземнымъ народомъ, скоро уступая мѣсто сообщенію посредствомъ языка. Число знающихъ языки иностранныхъ народовъ зависѣло отъ круга сношеній съ этими народами; оно было значительно, если иностранцы сносились со всею массою народа, и было невелико, если связи касались только высшаго сословія; въ этомъ случаѣ число знатоковъ ограничивалось переводчиками съ разныхъ иностранныхъ языковъ. Между переводчиками были и природные Русскіе, и нѣкоторые

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. VI, 1853. Софійская первая лѣтопись, стр. 43.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 107.

изъ нихъ обладали знаніемъ чужихъ языковъ въ совершенствѣ, какъ можно заключить по ихъ назначенію къ дѣламъ дипломатическимъ. Если молчаніе лѣтописи о переводчикахъ считать доказательствомъ, что ихъ дѣйствительно не было, то значитъ наши послы въ XV вѣкѣ владѣли языками тѣхъ народовъ, къ которымъ были отправлены; а эти послы, Похожей, Голохвастовъ, Третьякъ и др., были безъ сомнѣнія Русскіе. Также Русскіе были «толмачи Власій и Митя», о которыхъ упоминаетъ Максимъ Грекъ, и которымъ онъ переводилъ съ Греческаго на Латинскій, а они съ Латинскаго на Славянскій [1]). Въ началѣ XVI в. Русскій *Дмитрій Щербатовъ* былъ употребляемъ для переговоровъ, ибо зналъ Нѣмецкій языкъ по свидѣтельству самого посланника Нѣмецкаго. Въ статейномъ спискѣ читаемъ, что въ 1505 году іюня 16 намѣстники прислали изъ Новгорода къ Іоанну III Васильевичу грамоты Нѣмецкаго посла, полученныя изъ Ивавьгорода отъ князя Константина Ушатаго, сообщившаго о нихъ слѣдующее: «Здѣсе прислалъ ко мнѣ Юштъ Римского короля Цесаря да Испанского посолъ, чтобы азъ выслалъ къ нему сына боярского, да съ нимъ *Дмитріа Щербатово* на рѣку; а *Дмитрій языку нашему умѣетъ* и меня знаетъ, а язъ туто жъ буду на рѣкѣ, да и грамоты дамъ ко государемъ Рускимъ царемъ» [2]) и пр.

Фабри, извѣстный богословъ своего времени, по порученію короля Фердинанда, имѣлъ въ Тюбингенѣ переговоры съ Русскими послами, возвращавшимися изъ Испаніи въ 1525 году. Онъ распрашивалъ ихъ о правахъ и обычаяхъ Русскихъ и въ особенности о религіи; разговоръ происходилъ при помощи переводчика, родомъ Русскаго, знавшаго по-Нѣмецки и по-Латыни [3]).

---

[1]) Карамзина Исторія Госуд. Росс., т. VII, примѣч. 340. — Москвитянинъ, 1842, № 11, статья «Максимъ Грекъ», стр. 47.

[2]) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. I, 1851, стр. 125 — 126.

[3]) См. Rerum Moscoviticarum auctores varii. Francofurti. 1600. Moscovitarum juxta mare glaciale religio, a D. Joanne Fabri aedita. Стр. 130 — 131. Въ началѣ своего сочиненія Фабри говоритъ, что свѣдѣнія о Россіи онъ почерпнулъ изъ разговоровъ съ Русскими, и это было ему довольно легко, потому что, говоря его собственными словами, «interprete utebantur ipsi, qui cum et natus Moscovita esset, praeter suam vernaculam linguam et Germanice et Latine mediocriter callebat.»

При посольствѣ, отправленномъ въ Венецію въ 1656 году, переводчикомъ былъ природный Русскій, Тимоѳей Топоровскій, знавшій Италіянскій языкъ.[1]) Природные же Русскіе были переводчики при сношеніяхъ съ Нѣмецкою Имперіею; таковы: толмачъ Ивашко Давыдовъ, толмачъ Истома Малый, и др.[2]).

При посольскомъ приказѣ состояло у насъ значительное число переводчиковъ для перевода съ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, Шведскаго, Польскаго, Татарскаго и другихъ языковъ. Вотъ любопытное свидѣтельство Кошихина о дѣятельности нашихъ переводчиковъ: «Для переводу и толмачевства переводчиковъ Латинского, Свѣйского, Нѣмецкого, Греческого, Полского, Татарского, и иныхъ языковъ, съ 50 человѣкъ, толмачевъ 70 человѣкъ. А бываетъ тѣмъ переводчикомъ на Москвѣ работа по вся дни, когда прилучатся изъ окрестныхъ государствъ всякіе дѣла, также *старые письма и книги для испытанія велятъ имъ переводити*, кто каковъ къ переводу добръ, и по тому и жалованье имъ дается; а переводятъ сидячи въ Приказѣ, а на дворы имъ самимъ переводити не даютъ, потому что опасаются всякіе порухы отъ пожарного времени и иные причины»[3]).

Но и безъ толмачей могли обходиться предки наши, и не только въ XVII столѣтіи, но даже и въ древнія времена. Несомнѣнымъ доказательствомъ этому служитъ драгоцѣнное извѣстіе о Русскомъ князѣ XI столѣтія, владѣвшемъ пятью иностранными языками. Еще древнѣе преданіе о бесѣдѣ съ иностранцами князя, имя котораго завѣтно и для нашей исторіи, начиная съ лѣтописи Нестора, и для нашей народной поэзіи. Я говорю о св. Владимірѣ и его разговорахъ съ проповѣдниками четырехъ религій. Это преданіе подвергалось суду нашихъ историковъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, что показываетъ немаловажность его историческаго значенія; собственно же для нашей цѣли онъ имѣетъ особый интересъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ бесѣды Русскихъ съ иностранцами. Поэтому мы коснемся замѣчательнаго преданія старины, упомянувъ пред-

---

[1]) Русскій историческій сборникъ, т. III, книжка 4, стр. 325.

[2]) Памятники дипломатическихъ сношеній, III, 126 и др.

[3]) О Россіи въ царствованіи Алексія Михайловича, *Кошихина*, 1840, стр. 68.

варительно о мнѣніяхъ о немъ нашихъ ученыхъ. Карамзинъ считалъ прибытіе миссіонеровъ случаемъ вѣроятнымъ, а разговоръ съ ними какъ бы изобрѣтеніемъ самого лѣтописца, хотя и близкимъ къ истинѣ, какъ можно судить по слѣдующему отзыву: «лѣтописецъ нашъ *угадывалъ* какимъ образомъ проповѣдники Вѣръ *долженствовали* говорить съ Владиміромъ»[1]). Полевой, всегда рѣшительный въ своихъ приговорахъ, называетъ все повѣствованіе о вѣропроповѣдникахъ не болѣе, какъ «поэмою въ родѣ духовныхъ мистерій»[2]). Г. Погодинъ, не раздѣляя вполнѣ мнѣнія Полеваго, находитъ однако же подлежащими еще критикѣ «нѣкоторыя извѣстія въ Несторовомъ описаніи принятія Христіанской вѣры Владиміромъ, которое очень естественно должно было сдѣлаться предметомъ самыхъ частыхъ и любимыхъ разсказовъ народныхъ, какъ въ послѣдствіи предметомъ *эпопеи*.... Какъ всѣ они (миссіонеры) понимали другъ друга, неужели всѣ послы приходили съ переводчиками»?[3]) Эти недоумѣнія ученый авторъ Исторіи Христіанства въ Россіи разрѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: «Съ береговъ Волги могли придти послами природные Славяне, какъ извѣстно, находившіеся въ составѣ Болгарскаго народа, или и коренные Болгаре, но довольно знакомые съ языкомъ Славянскимъ отъ непрестанныхъ сношеній съ своими сообитателями — Славянами; Евреи Хазарскіе, производившіе цѣлые вѣки торговлю въ Кіевѣ, могли и сами нѣсколько изучить языкъ нашъ, могли имѣть и переводчиковъ; Римскій миссіонеръ, еще до того проповѣдывавшій въ Россіи, навѣрно, понималъ сколько нибудь языкъ народа, которому проповѣдывалъ, или, уже безъ сомнѣнія, запасся переводчикомъ; наконецъ философъ Греческій всего скорѣе могъ быть изъ Болгаръ или другихъ племенъ Славянскихъ, обитавшихъ въ Греціи: найти такого проповѣдника Грекамъ было очень легко, а послать — требовало благоразуміе и желаніе себѣ успѣха. И этотъ успѣхъ, дѣйствительно увѣнчавшій

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго, т. I, стр. 211 и 212. Слово «угадывалъ» напечатано курсивомъ въ самомъ подлинникѣ.

[2]) *Полеваго* Исторія Русскаго народа, I, 214.

[3]) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, *М. Погодина*, т. I, стр. 189 — 191.

проповѣдь философа, не зависѣлъ ли частію и отъ того, что благовѣстникъ, владѣя въ совершенствѣ Славянскимъ языкомъ, весьма ясно напечатлѣлъ въ умѣ и сердцѣ нашего великаго князя истины Христіанства»?[1]). Такъ объяснялось извѣстіе, просто и вѣрно записанное Несторомъ подъ 986 годомъ: «придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ... потомъ же придоша Нѣмьци... се слышавше Жидове Козарьстіи придоша... посемъ же присланна Грьци къ Володимеру философа»[2]) и т. д. Все повѣствованіе лѣтописи о прибытіи и совѣщаніяхъ пословъ отличается простотою и правдивостью. Несторъ видимо желалъ передать событіе въ возможной точности; для этой цѣли онъ приводитъ подробно ученіе Вѣры, предложенное Греческимъ философомъ: весьма естественно въ умномъ князѣ желаніе подробнѣе познакомиться съ догматами Вѣры, къ коей зарождалось въ немъ сочувствіе; еще необходимѣе было для миссіонера объяснить эти догматы. Несторъ зналъ подробности совѣщаній и съ другими миссіонерами, но записалъ только черты наиболѣе характеристическія, признавая противнымъ религіозному чувству и даже приличію долго останавливаться на ученіяхъ ложныхъ и соблазнительныхъ: особенности религіи Папистовъ и Евреевъ указаны въ нѣсколькихъ словахъ, и также немного говорится о вѣрѣ Болгарской, съ замѣчаніемъ, что проповѣдникомъ ея предложена была «и ина многа лесть, ея же не лзѣ псати срама ради.» Въ преданіи, записанномъ Несторомъ, видна близость его по формѣ съ легендою, жившею въ его время въ памяти и устахъ народа; въ лѣтописномъ извѣстіи удержанъ колоритъ живаго разсказа: такъ, когда сказали Владиміру о поклонникахъ Бохмита, что они «омываютъ оходы своя и по брадѣ мажются, такоже и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: си слышавъ Володимеръ, *плюну на землю, рекъ: нечисто есть дѣло*»[3]).

---

[1]) Исторія Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра. Соч. архимандрита Макарія. Спб., 1846, стр. 348.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 36 и слѣд.

[3]) Ср. въ былинѣ: «Ставръ бояринъ» о Владимірѣ:

А *плюнулъ* князь, да и прочь пошелъ:
«Глупая княгиня, неразумная!
У тя волосы долги, умъ коротокъ;
Называешь ты богатыря женщиною....»

(Древнія Россійскія стихотворенія. М., 1818, стр. 129).

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Несторъ не могъ позволить себѣ произволъ и умышленное уклоненіе отъ дѣйствительнаго факта въ извѣстіи о такомъ событіи, въ которомъ самъ онъ видѣлъ залогъ спасенія Русской земли; извѣстіе, что въ Кіевъ приходили вѣропроповѣдники и *бесѣдовали* со Владиміромъ должно признать достовѣрнымъ, переданнымъ лѣтописью съ точностью. Но въ чемъ состояла эта точность: въ буквальной ли передачѣ совѣщаній или только въ вѣрномъ удержаніи мысли, выраженной авторомъ по-своему? Вопросъ этотъ въ рѣшеніи своемъ съ точки зрѣнія лингвистической сливается съ вопросомъ о значеніи разговорной формы, весьма обычной въ нашихъ лѣтописяхъ. Обыкновенно объясняли ее желаніемъ Нестора придать разсказу своему драматическую форму по образцу библейскому *); но такое желаніе предполагаетъ нѣкоторую искусственность, несогласную съ общимъ характеромъ простоты, отличающимъ лѣтописное повѣствованіе, и не справедливѣе ли видѣть въ этой формѣ не иное что, какъ синтаксическую особенность Русскаго языка въ древній періодъ его исторіи.

Всякій разговоръ естественно происходитъ такимъ образомъ, что слова одного разговаривающаго лица смѣняются словами другаго. Поэтому самый простой способъ передачи разговора будетъ состоять въ томъ, чтобы приводить попеременно слова собесѣдниковъ. Такая форма разговора весьма обычна въ народныхъ преданіяхъ: она же удержана и Несторомъ при сообщеніи народныхъ преданій. Но писатель, подчиняющійся синтаксису, болѣе утонченному, изъ отдѣльныхъ фразъ разговора образуетъ стройный періодъ съ предложеніями главными и придаточными, и всю мысль выражаетъ отъ своего лица; если же приводитъ чужія слова, то старается передать ихъ въ характеристическомъ видѣ. При этихъ условіяхъ возникаетъ драматическая форма. Она есть форма искусственная и состоитъ скорѣе въ приведеніи не короткихъ фразъ, а цѣлыхъ рѣчей,

*) Несторъ, Русскія лѣтописи на древно-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя *Шлецеромъ*, перев. *Языкова*, I, КА: «Слогъ повѣствованія Нестора не похожъ на Византійскій, но на библейскій: онъ заставляетъ дѣйствующія лица говорить самихъ, точно какъ въ историческихъ книгахъ древняго завѣта.»

влагаемыхъ въ уста изображаемыхъ лицъ. Что Несторъ далекъ былъ отъ искусственности, очевидно изъ самаго способа передачи имъ разговора:

«*Рече* Володимеръ (Жидамъ): что есть законъ вашъ? *Они же рѣша:* обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити. *Онъ же рече:* то гдѣ есть земля ваша? *Они же рѣша:* въ Ерусалимѣ. *Онъ же рече:* то тамо ли есть? *Они же рѣша:* разгнѣвася Богъ на отци наши и расточи ны по странамъ» и т. д. Это мѣсто Карамзинъ, сообразно современному синтаксису Русскаго языка, передалъ посредствомъ предложеній главныхъ и придаточныхъ такимъ образомъ: «Выслушавъ Іудеевъ, Владиміръ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? Въ Іерусалимѣ, отвѣтствовали проповѣдники, но Богъ во гнѣвѣ Своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ» *). И тотъ и другой способъ передачи принадлежитъ лично авторамъ, завися отъ современныхъ имъ синтаксическихъ условій языка, отъ степени усвоенія имъ періодическаго теченія рѣчи.

Нельзя допустить, чтобы Несторъ вѣрилъ, что именно такими словами говорили послы съ Владиміромъ, какъ могъ вѣрить этому народъ, разсказывая преданіе. Это возможно было бы тогда только, если бы Несторъ записалъ преданіе, нисколько не подумавши о томъ, что память народная не могла сохранить его въ буквальной точности. Но такую необдуманность едва ли допуститъ въ Несторѣ тотъ, кто наблюдалъ характеръ его, какъ писателя. Тѣмъ не менѣе разговоръ происходилъ дѣйствительно, и невольно возникаетъ вопросъ, на какомъ языкѣ происходилъ онъ и были ли при этомъ переводчики? Судя по разсказу лѣтописному, можно съ одинаковымъ правомъ полагать, что или всѣ послы говорили по-Русски, или Владиміръ съ нѣкоторыми изъ нихъ, если не со всѣми, говорилъ на ихъ языкѣ. Одно изъ двухъ необходимо, и притомъ, какъ трудно допустить, чтобы Владиміръ изучалъ предварительно языки именно тѣхъ народовъ, которые неожиданно прислали къ нему миссіонеровъ, такъ не возможно и то, чтобы послы четырехъ иностранныхъ народовъ выучились Русскому языку вдругъ въ одинъ и тотъ же

*) Исторія Государства Россійскаго, I, стр. 211 — 212.

короткій срокъ. Одно заключеніе кажется самымъ естественнымъ: оно состоитъ въ томъ, что послы, а можетъ быть отчасти и Владиміръ, знали задолго до 986 года тотъ иностранный языкъ, которымъ каждый говорилъ въ совѣщаніяхъ, и познакомились съ этимъ языкомъ не по случаю предстоявшей миссіи, а въ слѣдствіе другихъ причинъ, и всего естественнѣе, въ слѣдствіе взаимныхъ сношеній Русскихъ съ четырьмя другими народами. Поэтому не будетъ ни сколько произвольнымъ заключеніе, что Русскіе въ X столѣтіи имѣли сношенія съ Болгарами, Нѣмцами, Евреями, Греками, и какъ сношенія съ иностранцами требуютъ знанія иностранныхъ языковъ, то слѣдовательно въ X вѣкѣ между Болгарами, Нѣмцами, Евреями и Греками были знавшіе Русскій языкъ; съ другой стороны и между Русскими были знавшіе Болгарскій, Нѣмецкій, Еврейскій и Греческій языки. Такой выводъ опредѣляетъ, какъ полагаемъ, значеніе Несторова извѣстія для исторіи языкознанія въ Россіи. Что касается до переводчиковъ, то, основываясь на прямомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, слѣдуетъ принять, что или Владиміръ говорилъ безъ переводчиковъ, или всѣ другіе разговоры Русскихъ съ иностранцами, приводимые въ лѣтописи, происходили черезъ переводчиковъ; но противъ послѣдняго положенія говорятъ многіе примѣры непосредственнаго объясненія, подобно разговорамъ съ князьями Касожскимъ и Печенѣжскимъ; первое же тѣмъ вѣроятнѣе, что назначеніе въ переводчики предполагаетъ въ назначаемомъ нѣкоторую образованность и познанія, которыя легко могли доставить ему и самое званіе миссіонера.

Мы остановились съ подробностью на достопамятномъ преданіи по той причинѣ, что при разсмотрѣніи почти каждаго вопроса въ народныхъ древностяхъ нельзя упускать изъ виду повѣрій и преданій, которыя всегда удерживаютъ вѣрныя черты прошедшаго, чуждаясь всякой неправды, по убѣжденію современныхъ изслѣдователей народной словесности *).

---

*) Ср. Deutsche Sagen. Herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin, 1816, стр. X: Die Lüge ist falsch und bös; was aus ihr herkommt, muss es auch seyn. In den *Sagen* und Liedern des Volks haben wir noch keine gefunden: *es lässt ihren Inhalt, wie er ist* und wie es ihn weiss.»

Тѣмъ менѣе могли мы оставить его безъ вниманія, что данныхъ для исторіи языкознанія въ древней Руси весьма немного. Иныя скрываются въ преданіи глубокой древности, записанномъ людьми книжными; другія разсѣяны по сочиненіямъ о Россіи иностранныхъ путешественниковъ, изъ коихъ очень немногіе обращали должное вниманіе на бытъ Русскій и тѣмъ пріобрѣли право на довѣріе; еще менѣе положительныхъ указаній отечественныхъ лѣтописей.

Древнѣйшее изъ историческихъ извѣстій принадлежитъ Владиміру Мономаху и относится къ отцу его Всеволоду Ярославичу (1078 — 1093). Въ своемъ «Поученьи» Владиміръ Мономахъ говоритъ: «его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите; якоже бо отець мой, дома сѣдя, *изумѣяше 5 языкъ:* въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль»[1]). Еще въ XVIII столѣтіи высказано мнѣніе о языкахъ, которыми владѣлъ Всеволодъ. Издатель Поученія Мономахова графъ Мусинъ-Пушкинъ полагалъ, что эти языки были: 1) *Греческій*, по причинѣ торговыхъ и религіозныхъ сношеній съ Греками, изъ коихъ многіе жили въ Кіевѣ домами; 2) *Латинскій*, «по причинѣ *всеобщаго* его въ то время употребленія, почему многіе князи Русскіе ему обучались»; 3) *Нѣмецкій*, потому что много Нѣмцевъ было въ Русской службѣ; 4) *Венгерскій*, по сосѣдству и частому сношенію, и 5) *Половецкій*, по ближайшему сосѣдству и непрерывному сношенію; если же не эти языки, то или *Болгарскій* (Болгаръ Волжскихъ), *Козарскій* или *Торческій*, *Язскій*, *Касожскій* и *Обезской*, или же *Польскій*, *Литовскій*, *Карельскій*, *Финскій* и т. д.[2]). Карамзинъ склоняется къ первой догадкѣ Мусина-Пушкина, ограничивая число иностранныхъ языковъ четырьмя: «вѣроятно *Греческій*, *Скандинавскій*, *Половецкій* и *Венгерскій*, кромѣ Русскаго»[3]). За отсутствіемъ положительныхъ указаній, возможны только предположенія, болѣе или менѣе близкія къ истинѣ. Такъ можно допустить, что въ числѣ пяти языковъ былъ непремѣнно Греческій, знакомый Русскимъ

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 102.

[2]) Духовная Великаго Князя Владиміра. Спб., 1792, стр. 27 — 28.

[3]) Исторія Государства Россійскаго, II, примѣч. 233.

съ древнѣйшихъ временъ; остальные четыре языка были скорѣе западные, нежели восточные и сѣверные, т. е. народовъ сопредѣльныхъ Руси на сѣверѣ и востокѣ, потому что знаніе Нѣмецкаго или Венгерскаго болѣе могло доставить «чести отъ инѣхъ земль», нежели знаніе какого-нибудь Печерскаго или Самоѣдскаго. Притомъ Греческому и отчасти западнымъ языкамъ, имѣвшимъ нѣкоторые письменные памятники, удобнѣе было выучиться «дома сѣдя», нежели языкамъ нашихъ сосѣдей, вовсе чуждымъ письменности и извѣстнымъ намъ въ слѣдствіе одного близкаго сосѣдства и торговыхъ сдѣлокъ, т. е по живому только употребленію. Какъ бы то ни было, знаніе пяти языковъ представляетъ явленіе необыкновенное въ Европѣ XI вѣка, да и въ позднѣйшихъ вѣкахъ оно возбуждало общее удивленіе, высказавшееся въ преданіи о Нѣмецкомъ Императорѣ Карлѣ IV, владѣвшемъ, подобно Всеволоду, пятью языками; знаніе пяти языковъ ставили въ особенную заслугу Европейскіе ученые даже XVI и XVII столѣтія[1]). Мономахъ совѣтуетъ подражать примѣру даровитаго Всеволода, и благой совѣтъ могъ подѣйствовать не только на сыновей автора, но и на другихъ читателей его Поученія, коихъ онъ надѣялся имѣть, какъ видно изъ словъ его: «да дѣти мои или *инъ кто*, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся»[2]). Само собою разумѣется, что счастливый даръ къ изученію языковъ, какимъ обладалъ Всеволодъ, могъ встрѣчаться только изрѣдка; несравненно же чаще бывали примѣры знакомства съ однимъ какимъ-либо иностраннымъ языкомъ. Это знакомство условливалось прежде всего мѣстопребываніемъ и образомъ жизни лица. Изученье языковъ, зависѣвшее отъ внѣшнихъ причинъ — географическаго положенія или торговли, ограничивалось по большей части разговорнымъ употребленіемъ, бывши распространено между массами народа; при сношеніяхъ болѣе рѣдкихъ знаніе иностранныхъ языковъ оставалось на долю классу наиболѣе образованному.

---

[1]) Thresor de l'histoire des langues de cest univers, par *Claude Duret*. Seconde édition. 1619, p. 963: «entre les Cretiens Origène Alexandrin a esté *un des plus excellent* en la cognoissance des langues pour en sçavoir *cinq* parfaictement: l'Hebraïque, Syriaque, Egyptienne, Grecque et Latine.»

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 100.

Въ большей или меньшей степени извѣстны были въ древней Руси вслѣдствіе разнородныхъ сношеній языки племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи и названныхъ нами выше, и тѣхъ народовъ западной Европы, съ коими существовали у насъ политическія и торговыя связи, какъ то: Скандинавовъ, Нѣмцевъ, Венгровъ, Поляковъ и т. п. Лѣтопись сообщаетъ извѣстія о сношеніяхъ съ этими народами, и притомъ такого рода, что необходимо допустить полное взаимное понимание обѣихъ сторонъ, а оно возможно только при объясненіи посредствомъ слова, устномъ или письменномъ.

Всѣ разговоры Русскихъ съ иностранцами, записанные древнею лѣтописью, носятъ характеръ живой, устной бесѣды: довольно вспомнить объясненіе Прѣтича съ княземъ Печенѣжскимъ или Мстислава съ княземъ Касожскимъ. На вопросъ: «а ты князь ли еси»? Прѣтичь отвѣчалъ: «азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идеть полкъ со княземъ безъ числа множьство.» Рече князь Печенѣжьскій къ Прѣтичю: «буди ми другъ»; онъ же рече: «тако створю.» И подаста руки межю собою» и помѣнялись дарами. Князь Касожскій Редедя обратился къ Мстиславу съ слѣдующими словами: «что ради губивѣ дружину межи собою? но сънидевѣ са сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все», и рече Мьстиславъ: «тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «не оружьемъ ся бьевѣ, но борьбою», и ястася бороти крѣпко»[1]).

Если подобныя извѣстія историческая критика считаетъ не болѣе, какъ народными сагами, то тѣмъ не менѣе въ основаніи ихъ лежитъ дѣйствительное событіе. Во всемъ разсказѣ о сношеніи Прѣтича съ Печенѣжиномъ историки находятъ вѣрнымъ только то, что Печенѣги осаждали Кіевъ, однакожъ безъ успѣха[2]). Съ такою же справедливостью можно сказать, что во всемъ разговорѣ Русскаго вождя съ Печенѣжскимъ вѣрно только то, что Русскіе и Печенѣги могли и должны были говорить

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 28 и 63.

[2]) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, Погодина, т. I, стр. 181 — 184.

другъ съ другомъ, часто приходя въ столкновеніе. То же должно допустить и о другихъ инородцахъ, память о которыхъ сохранилась въ лѣтописи въ видѣ народнаго преданія, саги. На какомъ же языкѣ объяснялись собесѣдники? Русскіе ли говорили языкомъ своихъ сосѣдей, или наоборотъ, всѣ инородцы говорили по-Русски, и такимъ образомъ отдѣльные ручьи сливались въ Русскомъ морѣ, по выраженію поэта? Хотя очевидный перевѣсъ Руси и во внѣшнемъ и въ нравственномъ отношеніи надъ своими сосѣдями даетъ второму предположенію болѣе вѣроятности, однако исторія представляетъ не одно доказательство тому, что при столкновеніи народовъ, побѣдителя и побѣжденнаго, сильнаго и слабаго, происходитъ до извѣстной степени обоюдная уступка, мѣна понятій, обычаевъ, вѣрованій и ихъ существеннаго выраженія — языка. Еще отъ десятаго столѣтія мы имѣемъ извѣстіе о Русскомъ, знавшемъ Печенѣжскій языкъ: когда Печенѣги въ 968 г. осадили Кіевъ, одинъ отрокъ прошелъ съ уздою сквозь непріятельскій станъ «бѣ бо умѣя Печенѣжски и мняхуть и своего»[1]. Если были знатоки языка народа враждебнаго, то тѣмъ скорѣе и въ большемъ числѣ могли быть знатоки языка мирныхъ сосѣдей,—и дѣйствительно были: такъ, напримѣръ, еще въ XIII и XIV вѣкахъ въ Великомъ Устюгѣ былъ въ общемъ употребленіи по торговымъ дѣламъ языкъ Зырянскій[2], и т. п.

Продолжительнѣе, нежели съ Половцами и Печенѣгами, были, къ сожалѣнію, связи наши съ Монголами. Во все время нашего угнетенія бывали между Русскими знатоки языка угнетателей. Уже въ началѣ ига посолъ папскій Плано-Карпини нашелъ у Батыя одного Суздальца (Russien de Susdal), бывшаго толмачемъ при сынѣ князя Ярослава (duc Jeroslaus)[3]. Кромѣ свидѣтельствъ о частныхъ лицахъ, знавшихъ монгольскій языкъ, мы имѣемъ любопытный памятникъ письменный — ярлыки монгольскихъ хановъ. Они издаваемы были нѣсколько

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ литописей, т. I, стр. 28.

[2]) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, 1827, т. II, стр. 231.

[3]) Собраніе путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, изд. *Д. Языковымъ*, 1825, стр. 214 — 215.

разъ и иногда встѣчаются въ рукописяхъ *). Извѣстные доселѣ ярлыки въ спискахъ XV — XVI в. по всей вѣроятности списаны съ переводовъ древнѣйшихъ. Независимо отъ важности для историческихъ изслѣдованій, ярлыки любопытны и въ филологическомъ отношеніи, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ образцевъ перевода съ языка приставочнаго (agglutinirende) на языкъ флексивный (flexivische). Благодаря отчетливому труду нашего оріенталиста г. Григорьева, можно судить о характерѣ перевода. Языкъ ярлыковъ проникнутъ вліяніемъ Монгольскаго синтаксиса, которое рѣзко выражается двумя особенностями. Во-первыхъ, вмѣсто союзовъ *что* и *чтобы*, которыхъ нѣтъ въ Монгольскомъ, употребляется дикая, въ подобномъ значеніи, для Русскаго языка форма дѣепричастія отъ глагола *говорить*, *молвить*, въ настоящемъ времени или въ прошедшемъ. Во-вторыхъ, второстепенныя части предложенія, которыя по свойству нашего языка ставятся послѣ главныхъ, въ ярлыкахъ поставлены наоборотъ. Вмѣсто такой фразы: «и мы повелѣли, *чтобы* было по прежнему» въ ярлыкѣ Узбека митрополиту Петру: «какъ то было прежъ насъ, такъ *молвя*, и наше слово уставило.» Вмѣсто: «*Царь пожаловалъ митрополита Феогноста*, *далъ ему ярлыкъ съ алою тамгою*, на томъ основаніи, *что* поповскій чинъ и тѣ, которые зовутся богомольцами, съ давнихъ добрыхъ временъ и доселѣ, не должны платить никакихъ пошлинъ, ибо они молятся за насъ самому Богу и воздаютъ молитвы за племя наше въ родъ и родъ» — въ ярлыкѣ Тайдулы: «Отъ давныхъ добрыхъ

*) Они изданы въ древней Россійской Вивліоѳикѣ, ч. VI, 2 е изд., 1788; въ Суздальской лѣтописи, изд. Львовымъ, 1799; въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, 2 том. — Въ рукописи я видѣлъ въ Сборникѣ XV в. Троицко-Сергіевой Лавры, № 43, л. 174—190; здѣсь есть приписка, помѣщенная у Новикова съ незначительными отличіями. У Новикова: «иныхъ не возмогохомъ превести, занеже неудобь познаваемою рѣчію писана быша, ниже паки ихъ именовахомъ, здѣ довольно бысть, и се разумныя къ наказанію, еже отъ Сарацынъ требованіе милости отъ Бога, и къ церкви Божіей милостыня и молитвы, неже правда Христіанская неразумѣющихъ по истиннѣ Бога; но ослѣпленныхъ суетою міра сего, еже преобидѣти святыя церкви и домы ихъ.» Въ спискѣ Лаврскомъ то же самое мѣсто нѣсколько сокращено: «иныхъ не възмогохомъ прѣвѣсти зане неоудобь познаваемою рѣчью писани быша, ниже пакъ именовахом здѣ, доволно бо есть нам наказание отъ Саракинъ и еже правда Хртиіаньскаіа неразумѣющих по истинѣ Бога, но ослѣпленых суетою, еже преобидѣти стыа црквоі и домы ихъ.»

временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины: занеже самому Богу молятся за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ, такъ *моляя, Ѳеогноста митрополита царь пожаловалъ, со алою тамгою ярлыкъ далъ.»* Какъ въ синтаксисѣ много монголизмовъ, такъ въ слогѣ ярлыковъ много руссизмовъ, выражающихъ понятія христіанскія. Слова ярлыка: «да будетъ тому худо», переводчикъ замѣнилъ словами: «во грѣсѣхъ да будетъ»; къ началу ярлыка: «Вышняго Бога силою» прибавилъ: «и вышняя Троицы волею», и пр. [1]). Подобныя руссизмы весьма естественны въ опытѣ, относящемся къ періоду литературы, въ которомъ не считалось необходимостью наблюдать тонкое отличіе въ способѣ выраженія описываемыхъ лицъ. Въ памятникахъ XIV или XV вѣка какой нибудь Мамай, говоря о предметахъ христіанскаго міра, употребляетъ выраженія христіанскія, и тотъ же самый Мамай о своихъ собратахъ отзывается такими укоризненными словами, какими могли говорить о нихъ только враги ихъ — христіане. Въ сказаніи о побоищѣ на Дону приводится слѣдующее воззваніе Мамая: «поидемъ на Русьскую землю, *церкви Божія* попалимъ огнемъ, законъ ихъ погубимъ, а *кровь христіаньскую пролїемъ.»* Въ томъ же сказаніи говорится, что Мамай, услышавъ о приходѣ князя Димитрія, «рече княземъ своимъ *темнымъ*: двигнемся всею силою моею *темною* и станемъ у Дону», и мн. др. [2]).

Собственно для способа объясненія предковъ нашихъ съ народами западной Европы также нѣтъ положительныхъ указаній въ лѣтописяхъ. Лѣтописцы болѣе старались сообщить то, о чемъ бывали совѣщанія у насъ съ иностранцами, нежели то, на какомъ языкѣ происходили они. Изъ западныхъ народовъ, кромѣ соплеменныхъ намъ Чеховъ и Поляковъ, древніе памятники чаще другихъ упоминаютъ Венгерцевъ, Шведовъ, Нѣмцевъ. Многіе Венгерцы избирали Русь мѣстомъ жительства. У князя Бориса слугою и любимцемъ былъ Венгерецъ по имени Георгій. Въ стѣнахъ древней Русской обители подвизался Вен-

---

[1]) О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, *В. Григорьева*, Москва, 1842, стр. 98—105.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, VI, стр. 90 и 93.

герецъ, извѣстный подъ именемъ Моисея Угрина. Сношенія Венгровъ съ Русью имѣли такія причины и характеръ, что обойтись безъ словеснаго сообщенія было не возможно. Короли Венгерскіе дѣятельно слѣдили за событіями Руси, часто вступали въ переговоры съ нашими князьями, искали приверженцевъ себѣ между Русскими. Такъ король Венгерскій Бела старался вступить въ союзъ съ княземъ Галицкимъ Даніиломъ, и для этой цѣли искалъ содѣйствія митрополита Кирилла II, убѣдивъ его отправиться въ Грецію черезъ Венгрію, и т. п. Сношенія со Шведами всѣ такого рода, что для нихъ необходимо было знаніе языка, на коемъ обѣ стороны предъявляли свои желанія. Лѣтописи говорятъ о *совѣщаніяхъ* Русскихъ со Шведами на съѣздахъ, назначаемыхъ съ различными цѣлями. Между другими находится извѣстіе, показывающее, что въ половинѣ XIV вѣка Шведы желали даже имѣть богословскій диспутъ съ Русскими, подобно тому, какъ спустя почти четыре вѣка желали этого богословы Сорбонскіе. Новгородская лѣтопись говоритъ, что Магнусъ, король Свѣйской земли, прислалъ къ Новгородцамъ съ такимъ предложеніемъ: пошлите на съѣздъ своихъ философовъ (sic), а я пошлю своихъ, чтобы *переговорили* о Вѣрѣ. Я хочу слышать, какая вѣра будетъ лучше; если ваша, то я пойду въ вашу; если наша, то вы идите въ нашу; и «будемъ вси за единъ человѣкъ.» Тогда владыка Новгородскій, посадникъ, тысяцкой и всѣ Новгородцы по совѣщаніи отвѣчали Магнусу: если хочешь узнать, какая вѣра лучше, пошли въ Цареградъ къ патріарху, ибо мы отъ Грековъ приняли вѣру, и не желаемъ спорить о ней съ тобою, а «коя будеть обида межю нами», о томъ шлемъ къ тебѣ на *съѣздъ*, и послали Новгородцы Аврама тысяцкаго, Кузму Твердиславля и иныхъ бояръ*). Если предлагали преніе о вѣрѣ, значитъ были увѣрены, что есть знатоки языка, избираемаго для преній, а отправленіе Новгородцевъ на съѣздъ показываетъ, что переговоры между Русскими и Шведами были обычны.

Подобно Шведамъ, лѣтописи упоминаютъ о ихъ соплеменникахъ, Нѣмцахъ, часто имѣвшихъ переговоры съ Русскими; но

*) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей; III: Новгородск. 1-я лѣт., стр. 83.

о языкѣ ихъ также нѣтъ опредѣлительныхъ свидѣтельствъ. Еще въ первой половинѣ XIII вѣка Русскіе заключали договоры съ Нѣмцами. Смоленскій князь отправилъ пословъ своихъ въ Ригу и Готландію, и цѣлью посольства было: «утверживати миръ, а разлюбье на сторону отверечи, которое было межи Нѣмци и Смолияны», чтобы добросердье стояло до вѣка, а князю любо было бы, и Смолянамъ, и Рижанамъ, и *всѣмъ Нѣмцамъ, ходящимъ по Восточному морю* (Ost-See — Балтійскому морю). Въ договорѣ Русину вмѣнено въ обязанность имѣть свидѣтелей при рѣшеніи спорнаго дѣла, и дозволено идти на *общій судъ* — въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ[1]). Съ XIII вѣка сношенія съ Нѣмцами не прекращались. Эти сношенія вовсе не были случайными, а напротивъ того могли содѣйствовать даже знакомству иностранцевъ со внутреннимъ бытомъ Россіи. Такъ, между прочимъ, Нѣмцы хорошо знали народную любовь Русскихъ къ гаданьямъ, и рѣшились избрать ее политическою мѣрою. Когда царь Иванъ Васильевичъ возвратился съ похода, говоритъ лѣтопись, тогда пришли Нѣмцы, собравшись изъ заморья, и Литва изъ Польши; къ царю прислали Нѣмца, лютаго волхва Елисея, и «бысть ему любимъ, въ приближеніи.... на Рускихъ людей царю возложи свѣрѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи.» Безбожные узнали своими гаданіями, что имъ быть бы разоренными до конца, и прислали злаго еретика, ибо «Рускіе люди прелестни и падки на волхвованіе»[2]). Это извѣстіе относится уже къ XVI вѣку, и въ этомъ только столѣтіи является точное свидѣтельство о томъ, что переговоры съ Нѣмцами происходили иногда и безъ переводчиковъ. Отсюда можно сдѣлать заключеніе и о времени предшествовавшемъ, о промежуткѣ съ XIII по XVI столѣтіе. Любопытное указаніе принадлежитъ иностранному путешественнику. Въ описаніи путешествія Ганса Кобенцля (Hans Kobenzl von Prosseg) и Принтца (Daniel Printz von Buchau), пословъ императора Нѣмецкаго Максимиліана II, говорится о данной имъ аудіенціи: послы получили отвѣтъ (25 января 1576 г.) касательно цѣли своего посольства отъ великокняжескихъ со-

[1]) Русскія достопамятности, часть II, стр. 245 — 273.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей; IV: Псковская 1-я лѣтопись, стр. 318.

вѣтниковъ (дьяковъ), съ которыми они объяснялись частью при помощи переводчиковъ, частью *непосредственно*[1]). На другой день также происходило совѣщаніе пословъ съ боярами. Какой языкъ употребляли *отчасти* при совѣщаніяхъ, Принтцъ не говоритъ; но есть вѣроятность полагать, что Нѣмецкій, а не Русскій. Хотя Принтцъ, какъ житель Богеміи, и могъ достаточно понимать Русскій языкъ, а Кобенцль и писалъ даже на одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій, какъ видно изъ описанія путешествія, составленнаго имъ для друга своего Николая Драшковича на Иллирскомъ или Кроатскомъ языкѣ (lingua Illyrica seu Croatica); однако постоянное присутствіе толмачей при этихъ послахъ показываетъ, что имъ трудно было объясняться непосредственно на *Русскомъ* языкѣ. Намѣреніе же Іоанна IV ввести преподаваніе Нѣмецкаго языка въ Русскихъ училищахъ, о которомъ скажемъ ниже, и дѣятельныя сношенія съ Германіею указываютъ на возможность переговоровъ съ Русскими на Нѣмецкомъ языкѣ[2]).

Исчислять всѣ историческія свидѣтельства о сношеніяхъ нашихъ съ иностранцами было бы несообразно съ нашею цѣлью; но сличеніе этихъ свидѣтельствъ, въ самомъ значительномъ объемѣ, ведетъ къ тому результату, что древняя Русь представляла довольно обширное поле для знакомства съ иностранными языками.

При этомъ нельзя не замѣтить различія, представляемаго двумя половинами Европы: между тѣмъ какъ одна изъ нихъ, именно Россія, совмѣщала въ себѣ разноплеменныхъ обитателей, постоянныхъ или только временныхъ, другая населена была народами преимущественно одного Кельто-Нѣмецкаго племени; какъ исключеніе явилось между ними племя Чудское, не родственное имъ ни по крови, ни по языку; но эти же самые Угры или Мадьяры черезъ Русь проходили на западъ и со-

[1]) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland, von *Adelung*. I, 306. Аделунгъ приводитъ мѣста изъ путешествія по рукописямъ, хранящимся въ Вѣнѣ. Въ нихъ сказано, что послы говорили съ нашими дьяками «thaills durch die dollmatschen, die gleichwoll sehr vngeschikht vnd vntauglich Leüth seyn, vnd thaills selbst mundlich.»

[2]) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700 von *Adelung*, I, 293 — 294.

племенники ихъ остались нашими вѣчными сосѣдями на сѣверо-западѣ; слѣдовательно у Русскихъ было и больше причинъ и больше случаевъ къ знакомству съ языками различныхъ народовъ, съ коими необходимо было объясняться. Въ остальной же Европѣ ни одинъ народъ, кажется, не имѣлъ такихъ разнородныхъ сношеній, и потому, естественно, не располагалъ такими средствами къ узнанію иностранныхъ языковъ. Не смотря на то, что Русь отвсюду открыта была чуждому вліянію, которое могло бы отразиться и въ языкѣ, это вліяніе не проникло въ глубину народнаго быта; оно не заставило забыть и языкъ Русскій, который оставался постоянно господствующимъ для всѣхъ классовъ Русскаго народа во всѣ періоды нашей древней исторіи. Совершенно противоположное явленіе видимъ въ западной Европѣ: немного иностранныхъ языковъ извѣстно было каждому изъ ея народовъ, и изъ этихъ немногихъ одинъ оказываетъ вліяніе до того рѣшительное, что въ нѣкоторыхъ странахъ вовсе вытѣсняетъ даже родной языкъ изъ общаго употребленія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ классахъ. Этотъ чужой языкъ, господствовавшій въ средніе вѣка и позднѣе на противоположныхъ концахъ западной половины Европы, былъ языкъ Французскій. Онъ проникалъ не только въ соплеменную Франціи Португалію, но и въ Польшу и даже въ Венгрію вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ этихъ земель принцевъ Французскаго происхожденія; онъ былъ распространенъ и въ Швейцаріи, и въ Бельгіи, и въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій, и въ Греціи *). Особенно любопытно преобладаніе Французскаго языка у народовъ, рѣзко отличающихся отъ Французовъ по условіямъ своего быта и характеру, именно у Англичанъ и Нѣмцевъ. Въ Англіи Французское вліяніе, начавшись съ XI вѣка, съ эпохи Вильгельма Завоевателя, дѣйствовало на языкъ до того сильно, что, по замѣчанію извѣстнаго лингвиста Фукса, оно проникло весь составъ языка, обнаруживаясь и въ произношеніи, и въ словообразованіи, и въ самомъ расположеніи словъ. Хотя съ 1362 года Англійскій языкъ признанъ админи-

*) Origine et formation de la langue française, par *A. de Chevallet*. I partie. Paris. 1853. Prolégomènes. p. 39—40.

стративнымъ, однако и до сихъ поръ въ языкѣ Англійской администраціи сохраняются слѣды Французскаго вліянія; такъ королевское утвержденіе выражается словами: La Reyne le voet (veut) и т. п. Въ Германіи еще въ XIII столѣтіи Французскій языкъ сдѣлался языкомъ образованности и воспитанія: въ высшихъ кругахъ общества преподаваніе дѣтямъ учебныхъ предметовъ происходило на Французскомъ языкѣ и само воспитаніе ввѣряемо было преимущественно Французамъ *). И такъ Германія XIII вѣка представляла въ отношеніи условій образованности то же самое явленіе, какое обнаруживается въ Россіи въ XVIII столѣтіи и противъ котораго постоянно дѣйствовала у насъ литература въ лицѣ своихъ достойнѣйшихъ представителей, весьма несходныхъ между собою по духу и значенію своей литературной дѣятельности, но сходившихся въ одной идеѣ — въ признаніи существенныхъ правъ народности въ дѣлѣ общественнаго образованія, словесности и языка.

Знакомясь дома съ языками иностранцевъ, издавна посѣщавшихъ гостепріимную Россію, предки наши и сами предпринимали отдаленныя путешествія, слѣдствіемъ коихъ было, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, и знакомство съ языкомъ посѣщаемой страны. Многіе изъ нашихъ путешественниковъ описывали свой путь, и любопытныя записки путешествій хранятся въ значительномъ количествѣ списковъ; пятнадцать изъ нихъ изданы г. Сахаровымъ во второмъ томѣ «Сказаній Русскаго народа», подъ названіемъ: «Путешествія Русскихъ людей»; къ нимъ присоединена и легенда о путешествіи Полоцкой княжны Евфросиніи въ XII вѣкѣ. Изъ этого числа восемь путешествій совершено въ Іерусалимъ, три въ Константинополь, два

*) Adenès le Roi (род. 1240) въ своемъ стихотвореніи Berte aux grands pieds говоритъ:

Tout droit à celui temps que je ci vous devis
Avoit une coustume ens le Tyois païs
Que tout li grant seignor, li conte e li marchis
Avoient, entour aus, gent françoise tous-dis
Pour aprendre françois leur filles et leur fils, etc.

См. Die Romanischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Lateinischen von August Fuchs. Halle. 1849. стр. 107—109.

въ Китай, одно въ Индію и одно въ Италію. Цѣль первыхъ чисто религіозная, и потому особенное вниманіе обращено въ нихъ на описаніе мѣстностей, ознаменованныхъ священными для христіанства воспоминаніями, и тѣхъ явленій, которыя наиболѣе поражали набожное чувство паломниковъ, какъ то: чудесное снисшествіе «святаго свѣта» и т. п. Другое значеніе для путешественниковъ имѣли такія страны, какъ Индія или Китай; не давая пищи религіозному настроенію, онѣ возбуждали интересъ новостью и оригинальностью быта своихъ жителей, устройствомъ городовъ и селъ, самою внѣшнею природою. Все это въ равной степени привлекало вниманіе нашихъ путешественниковъ, какъ видно по ихъ путевымъ замѣткамъ, въ коихъ упоминается одно за другимъ, и о мѣстоположеніи города, и объ одеждѣ жителей, и о съѣстныхъ припасахъ, и о рѣдкихъ животныхъ, и т. п. Въ этой пестрой смѣси впечатлѣній попадаются замѣтки и о языкѣ видѣнныхъ народовъ; по большею частью онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ словъ, въ родѣ слѣдующихъ, въ путешествіи Байкова въ XVII столѣтіи: «а у Мунгальскихъ людей *языкъ съ Калмыками одинъ*, а Тайши у нихъ многіе... отъ Иртыша до Мунгальскихъ людей степью межъ горъ ходу два дня; степь голая; ни воды, ни корму нѣтъ; а прошедъ то мѣсто живутъ Мунгальцы, людишки добрѣ худы; а житье ихъ самое нужное»; или «а въ томъ Китайскомъ городѣ Какокотанѣ живютъ Тюбейцы: *языкъ у нихъ Мунгальской*» и проч. [1]). Всѣхъ богаче извѣстіями о языкѣ отдаленнаго народа путешествіе Тверитянина Аѳанасія Никитина [2]), пробывшаго въ Индію въ

[1]) Сказанія Русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ, т. II, 1849, книга 8, стр. 127 и 128.

[2]) Путешествіе Никитина отыскано Карамзинымъ, который и помѣстилъ въ примѣчаніи 629 къ VI тому своей исторіи начало путешествія по рукописи «для примѣра въ слогѣ» и краткое извлеченіе «другими словами», т. е. современнымъ Русскимъ языкомъ. Оно напечатано вполнѣ въ «Софійскомъ Временникѣ», изданномъ Строевымъ, т. II, стр. 145 — 164; въ «Сказаніяхъ Русскаго народа», Сахарова, т. II, кн. 8, стр. 171 — 179; наконецъ въ VI томѣ «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», 1853, стр. 330 — 354. Иностранныя слова въ путешествіи объясняемы были также нѣсколько разъ: въ изданіи Сахарова помѣщены объясненія академика Френа; въ Библіотекѣ Главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ есть экземпляръ Софійскаго Временника съ объясненіями Ярцова; объясненія, находящіяся въ VI томѣ лѣтописей, принадлежатъ профессору С. Петербургскаго университета Казембеку. Этими послѣдними пользуемся мы въ своихъ указаніяхъ.

1468 году, за тридцать лѣтъ до Васко де Гама, и сообщившаго Русскимъ читателямъ свѣдѣнія о далекомъ краѣ гораздо ранѣе, нежели познакомились съ нимъ западные Европейцы. Этимъ знакомствомъ обязаны они Португальцамъ, распространившимъ въ Европѣ свѣдѣнія объ Индіи уже въ XVI вѣкѣ. Извѣстія, сообщенныя Никитинымъ, заключаются въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ фразахъ языка Индійскаго, какимъ онъ былъ въ XV столѣтіи, когда, сохраняя кое-какіе слѣды своего первообраза, Санскрита, онъ былъ подавленъ вліяніемъ Арабскимъ, Персидскимъ и въ особенности Татарскимъ. Слова и фразы иностранныя стоятъ у Никитина рядомъ съ Русскими, а не составляютъ отдѣльнаго сборника, коего первый и незначительный образецъ явился въ Европѣ гораздо позднѣе: его составилъ спутникъ Магеллана, Пигафетта. Замѣчательно, что, приводя иностранныя выраженія, Никитинъ удерживаетъ Русскія мѣстоименія и частицы. Многія Индійскія реченія записаны имъ, по мнѣнію знатоковъ, «довольно вѣрно»; встрѣчающіяся же невѣрности рѣшительно неизбѣжны при всѣхъ опытахъ подобнаго рода. Вмѣсто *киларсенъ* у Никитина записано *кыларесенъ*, вмѣсто *Мохеммедъ дини* — *Маметьдени*, вмѣсто *селяхъ микюнедъ* — *суляхъ микунитъ*, и проч.; но множество примѣровъ доказываютъ, какъ трудно уловить въ точности звуки чужаго языка при произношеніи, и лучшимъ оправданіемъ нашему путешественнику служатъ попытки всѣхъ другихъ Европейскихъ путешественниковъ: одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ между ними, Кукъ, утверждаетъ, что рѣдко удавалось двумъ его спутникамъ записать одиѣми и тѣми же буквами, не только гласными, но даже и согласными, одно и то же слово, произносимое обитателями Полинезіи. Никитинъ говоритъ между прочимъ о брошенныхъ дѣтяхъ жителей Индостана, порода которыхъ, какъ кажется, доставила имъ прозваніе обезьянъ *): «ины Гондустанцы тѣхъ

*) Нашъ путешественникъ называетъ ихъ положительно обезьянами; но по его же описанію видно, что дѣло идетъ о людяхъ, а вовсе не о животныхъ «А обезьяны то тѣ — говоритъ онъ — живутъ по лѣсу, да у нихъ есть *князь* обезьяньскый, да *ходить ратію* своею, да кто ихъ заимаетъ и они ся *жалуютъ* князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и они пришедъ на градъ и дворы развоняютъ и людей побьютъ; а рати ихъ сказываютъ вельми много, и *языкы ихъ есть свои*, а дѣтей родятъ много; да которой родится не въ отца, не въ матерь,

имають да учать ихъ всякому рукодѣлью, а иныхъ продають ночи, чтобы възадъ не знали побѣжати, а иныхъ учатъ базы миканетъ», и здѣсь цѣлую Персидскую фразу: *бази микюнедъ*, что значитъ *играетъ, танцуетъ* и т. п., нашъ путешественникъ принялъ за одно существительное имя *бази*, т. е. *игра*. Принятіе цѣлаго предложенія за одно слово весьма легко могло бы случиться при усильной даже заботливости автора о вѣрной передачѣ иностранныхъ словъ, чему доказательствомъ служатъ также примѣры другихъ, позднѣйшихъ Европейскихъ путешественниковъ, которые весьма часто впадали въ ту же невольную ошибку: если они, желая узнать отъ дикаря, какъ на его языкѣ слово *ходить*, указывали на ходившаго, то получали въ отвѣтъ: *онъ ходитъ;* если же для этого сами начинали ходить, то дикарь говорилъ: *ты ходишь* и т. д. *) Словомъ, не льзя, кажется, не согласиться, что нашъ путешественникъ XV вѣка познакомился съ языкомъ Индостана по крайней мѣрѣ на столько, на сколько можно было познакомиться любознательному человѣку, прибывшему въ неизвѣстную страну совершенно съ другими цѣлями и притомъ не на долгое время.

ини тѣхъ мечють по дорогамъ» (стр. 335). Повѣрье о народѣ-обезьянахъ могло сохраниться въ Индіи въ XV вѣкѣ, восходя къ глубокой древности. Въ Рамаянѣ разсказывается о дружбѣ Рамы съ Ганумапомъ, «княземъ обезьянъ, лѣснымъ человѣкомъ», и о союзѣ, заключенномъ на священной горѣ между Рамою и Сугривою, другимъ «княземъ обезьянъ, великодушнымъ лѣснымъ человѣкомъ.» Одинъ Французскій писатель, сообщая любопытныя свѣдѣнія о бытѣ и литературѣ Негровъ, говоритъ: «Les livres sacrés du brahmanisme racontent que Roma, après avoir vaincu en bataille rangée *le peuple singe*, l'expulsa du continent et lui abandonna par un solennel traité une partie de l'île de Ceylan. *Il ne serait pas impossible que ces singes guerriers et diplomates soient tout simplement les nègres* (Les moeurs et la litterature nègres, par *Gustave d'Alaux*. Revue des deux mondes. 1852. Tome XIV. 4 livraison). Источникомъ преданія о загадочномъ народѣ могъ послужить самый внѣшній видъ черныхъ людей извѣстнаго племени, который тѣмъ живѣе могъ дѣйствовать на воображеніе народа, и породить цѣлый рой чудесныхъ разсказовъ. Вирей предполагалъ сродство Готтентотовъ съ павіанами, породою обезьянъ; въ XVIII вѣкѣ разсуждали серьезно о возможности перехода изъ обезьяны въ человѣка и обратно, а у Деламетри встрѣчается наивная догадка, что продолговатая форма носа у человѣка зависитъ отъ того, что люди произошли отъ породы обезьянъ, подверженной насморку.

*) *Balbi*, Atlas étnographique du globe. Introduction. Discours préliminaire. p. CIII—CIV etc.

Если не многимъ обстоятельства дозволяли, по торговымъ видамъ и еще менѣе по одному любопытству, предпринимать далекія путешествія, и, живя на чужбинѣ, узнавать чужіе языки, то внутри Россіи было много замѣчательныхъ людей, обрекавшихъ себя на подвиги миссіонеровъ, и съ этою цѣлью изучавшихъ языкъ народа, какъ единственный и вѣрный проводникъ убѣжденій. Исторія не богата извѣстіями о трудахъ этихъ достопамятныхъ подвижниковъ; но и сохранившіяся извѣстія показываютъ, что мысль о водвореніи истинной Вѣры одушевляла постоянно многіе умы въ древней Руси, и средства, употреблявшіяся нашими миссіонерами, были вполнѣ достойны и людей истинно образованныхъ, и самой святости дѣла: на это мы имѣемъ доказательства неоспоримыя. Начиная съ X столѣтія, съ крещенія Руси при св. Владимірѣ, отъ каждаго вѣка осталось нѣсколько именъ или подвиговъ этого рода, записанныхъ современниками. Между распространителями Вѣры были и люди облеченные свѣтскою властію, какъ было это и въ западной Европѣ; но по большей части лица духовныя трудились на этомъ поприщѣ. Въ XII вѣкѣ преп. Герасимъ изъ Кіева переселился на далекій сѣверъ, основалъ обитель близъ торговаго мѣстечка Вологды и тридцать лѣтъ проповѣдывалъ христіанскую Вѣру [1]). Въ XIII вѣкѣ миссіонеры наши подчинили своему вліянію даже нѣкоторыхъ изъ Монголовъ, и, какъ видно, довольно скоро послѣ грознаго нашествія; ибо въ 1261 году образовалась въ ордѣ епархія и нашъ митрополитъ Кириллъ II поставилъ епископа въ ханской столицѣ, Сараѣ [2]). Въ XIV вѣкѣ знаменитый Пермскій епископъ св. Стефанъ просвѣтилъ жителей Пермской области, изобрѣлъ имъ письмена и перевелъ на ихъ языкъ чтенія изъ Евангелія и Апостола, Псалтырь, Пареміи. Въ XVI вѣкѣ архимандритъ Ѳеодоритъ, тотъ самый, который привезъ изъ Константинополя благословеніе Іоанну IV на принятіе титула царя, обратилъ въ христіанство Лапландцевъ (до рѣки Туломы), также изобрѣлъ письмена и перевелъ на Лапландскій языкъ

---

[1]) Исторія Русской Церкви. Періодъ первый. Харьковъ, 1849, стр. 37 — 38.

[2]) Прибавленія къ твореніямъ Святыхъ Отцевъ. Часть I. Москва, 1843, стр. 419.

Евангеліе *). И много другихъ дѣятелей можно присоединить къ этому числу. Изъ нихъ нѣкоторые обращали народы соплеменные, слѣдовательно обходились безъ изученія иностраннаго языка: такъ на своемъ родномъ языкѣ св. Кукша могъ проповѣдывать у нашихъ соплеменниковъ Вятичей, которые происходили «отъ Ляховъ», по замѣчанію Нестора; но многимъ необходимо было изучать языкъ просвѣщаемаго народа для успѣшнаго достиженія своей цѣли. Миссіонеры наши не только поставляли себѣ въ обязанность это изученіе, но и вообще приготовлялись къ своему дѣлу съ такимъ усердіемъ, такими просвѣщенными трудами, которые удовлетворяютъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ образованности гораздо позднѣйшей. Доказательствомъ служитъ исторія св. Стефана, сохранившаяся, по счастію, съ нѣкоторыми подробностями, въ извѣстіи, современномъ описываемому лицу. Готовясь къ своему подвигу, св. Стефанъ прежде всего глубоко изучалъ Священное Писаніе; потомъ, не довольствуясь Славянскимъ переводомъ, принялся за изученіе Греческаго языка; вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ вникалъ въ свойства знакомаго ему на роднѣ языка Зырянъ, чтобы надлежащимъ образомъ передать на немъ истины святой Вѣры. Вооружившись такимъ запасомъ знаній, онъ перевелъ на Зырянскій языкъ все, что нужно было для успѣшнаго начала проповѣди, и при переводѣ руководствовался постоянно и Славянскимъ и Греческимъ текстами. По окончаніи всѣхъ этихъ предварительныхъ работъ, св. Стефанъ отправился, какъ миссіонеръ, къ мѣсту избраннаго служенія. Лучшаго приготовленія нельзя требовать отъ миссіонера какого бы то ни было вѣка, какъ нельзя требовать и лучшихъ мѣръ во все время проповѣди. У св. Стефана она отличалась въ полномъ смыслѣ слова духомъ вѣры и любви, и ознаменована учрежденіями, дѣлающими честь его уму и образованности: онъ заводилъ для дѣтей Зырянъ училища, взрослымъ раздавалъ, по строгому выбору, духовныя должности, такъ что въ основанной имъ обители при немъ и нѣсколько столѣтій послѣ его смерти

*) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина; т. II, 1827, стр. 281.

совершалось богослуженіе на туземномъ языкѣ [1]). Невольно вспоминаешь при этомъ другихъ миссіонеровъ и другія мѣры, принимаемыя ими, въ особенности лишеніе обращаемыхъ народовъ права приносить Богу лучшую жертву — слагать хвалу Ему на родномъ языкѣ.... Для сотрудниковъ своихъ св. Стефанъ основалъ цѣлую обитель [2]), разсадникъ Русскихъ миссіонеровъ, которому, быть можетъ, только географическое положеніе помѣшало пріобрѣсти извѣстность и почетъ въ исторіи обще-Европейской пропаганды, составляющей одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей въ исторіи Европейской образованности. Не имѣя, къ сожалѣнію, столь же подробныхъ извѣстій о другихъ нашихъ вѣропроповѣдникахъ, мы ограничиваемся замѣчаніемъ, что просвѣщенная ревность всегда отличала ихъ подвиги, которые они предпринимали съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ, съ однимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ святости подвига и его правотѣ передъ Небомъ: въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство одного изъ самыхъ основательныхъ между иностранцами знатоковъ древне-Русскаго быта, писателя въ высшей степени безпристрастнаго [3]).

Кромѣ языковъ, знакомыхъ предкамъ нашимъ по международнымъ сношеніямъ или изучаемыхъ дѣятельными миссіонерами, были языки, знаніе которыхъ служило признакомъ образованности, не будучи въ зависимости отъ какихъ либо внѣшнихъ условій, способствовавшихъ узнавать чужой языкъ, такъ сказать, нечувствительно. Такое значеніе имѣли въ древне-

---

1) Исторія Русской Церкви. Періодъ второй. Москва, 1850, стр. 45 — 49.

2) Словарь историческій о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви. Спб., 1836, стр. 255.

3) Герберштейнъ въ сочиненіи своемъ «Rerum Moscoviticarum commentarii» (Basileae, 1571, стр. 43) говоритъ: Religiosorum praecipua cura existit, ut quoslibet homines ad fidem suam perducant. Monachi heremitae bonam jam olim idololatrarum partem, diu multumque apud illos verbum Dei seminantes, ad fidem Christi pertraxerunt. Proficiscuntur etiamnum ad varias regiones Septentrionem versus et Orientem sitas, quo nonnisi maximis laboribus, famae ac vitae periculo perveniunt, neque inde aliquid commodi sperant, nec petunt: quin huc unicum spectant, ut rem gratam Deo facere, et animas multorum devio errore abductas (morte aliquando doctrinam Christi confirmantes) in viam rectam revocare, ac eos Christo lucrificare queant.

Русской образованности языки Греческій, Латинскій и отечественный — Русскій.

Самое раннее извѣстіе, приписывающее нѣкоторымъ изъ Русскихъ князей знаніе Греческаго и Латинскаго языковъ, относится къ XII вѣку. Это знаніе встрѣчалось преимущественно въ родѣ Владиміра Мономаха. Такъ о внукѣ его великомъ князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ имѣемъ извѣстіе, что «онъ вельми изученъ былъ писанію, съ Греки и Латины говорилъ ихъ языкомъ, яко Рускимъ»[1]). Правнукъ Владиміра Мономаха князь Романъ Ростиславичъ былъ «вельми ученъ всякихъ наукъ, и ко ученію многихъ людей понуждалъ, устроя на то училища, и учителей, Грековъ и Латинистовъ, своею казною содержалъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ, и такъ на оное имѣніе свое истощилъ, что на погребеніе его принуждены были Смольяне сребро и куны давать по изволенію каждаго, и какъ народъ всѣ его любили, то собрали такое множество, что болѣе было, нежели въ годъ князю приходило»[2]). Изъ такого свидѣтельства можно заключить, что любовь къ просвѣщенію находила въ XII вѣкѣ общее сочувствіе, а заключеніе должно основываться на достовѣрности свидѣтельства. Эти и подобныя извѣстія находятся въ *свѣтской лѣтописи*, по названію самого автора, составленной Татищевымъ, который приводитъ кромѣ того и нѣсколько данныхъ для исторіи Русской образованности, упоминая объ училищахъ и библіотекахъ въ древней Руси. Хотя свидѣтельство Татищева никоимъ образомъ не можетъ равняться по историческому значенію со свидѣтельствомъ Нестора, однако самый способъ составленія сводной лѣтописи Татищевымъ возбуждаетъ довѣріе къ новымъ указаніямъ, встрѣчающимся на ея страницахъ. При составленіи своего труда авторъ принялъ за правило «писать тѣмъ порядкомъ и нарѣчіемъ, каковы въ *древнихъ* (рукописяхъ) находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, *не перемѣняя, ни убавляя изъ нихъ ничего*, кромѣ ненадлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія

---

[1]) Татищева Исторія Россійская, часть III, стр. 220.

[2]) Тамъ же, III, 238 — 239.

Святыхъ, чудеса, явленія, и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концѣ приложилъ; такожъ *ничего не прибавливалъ, развѣ необходимо нужное для выразумѣнія слово положить, и то отмичилъ вмѣстительною»*[1]). Въ XVIII вѣкѣ, когда, по выраженію Шлецера, сборникъ Татищева былъ оракуломъ всѣхъ читателей лѣтописей, и въ началѣ настоящаго столѣтія, до самаго Карамзина, не сомнѣвались въ истинѣ лѣтописныхъ извѣстій, сообщенныхъ Татищевымъ. Это видно, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, и изъ мнѣнія Мусина-Пушкина о всеобщемъ употребленіи въ древней Руси Латинскаго языка, и изъ указаній въ другихъ сочиненіяхъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе «Краткая Россійская Исторія, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи, 1799 года.» Этотъ учебникъ замѣчателенъ по весьма выгодному о немъ мнѣнію Шлецера, который заимствовалъ изъ него и сдѣлалъ доступными западно-Европейскимъ ученымъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ чертахъ древне-Русской образованности. Передавая вкратцѣ содержаніе учебника въ Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ, Шлецеръ замѣчаетъ, что авторъ дѣлаетъ извѣстнымъ многое, что доселѣ хранится еще въ рукописныхъ лѣтописяхъ; что его историческая метода вполнѣ современна; что каждый изъ пяти періодовъ разсматриваетъ онъ въ двухъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ одно посвящается обозрѣнію *внутренняго* состоянія государства. При очеркѣ содержанія втораго періода, отъ Рюрика до нашествія Татаръ, Шлецеръ говоритъ, что въ этомъ періодѣ образованность на Руси была на высшей степени, нежели можно было бы ожидать: были князья, знавшіе Греческій и другіе языки; было училище въ Смоленскѣ, въ которомъ преподавались Греческій и Латинскій языки; была библіотека, состоявшая болѣе нежели изъ тысячи греческихъ книгъ[2]), и пр. Такимъ обра-

---

[1]) Татищева, Исторія Россійская, I, 1768, Предъизвѣщеніе стр. XXIV—XXV.

[2]) Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen, 1801, на стр. 344—350, помѣщенъ очеркъ содержанія «краткой Россійской исторіи», въ которомъ говорится: Der ungenannte Verfasser erzählt aus diesen Zeiten (852—1462) vieles, was nur noch in ungedruckten Annalen liegt. Seine historische Manier ist ganz modern.... Grösser war in diesem, sonst wildem, Zeitraume die Cultur, als man erwartet. Für-

зомъ даже въ началѣ XIX вѣка критика, въ лицѣ Шлецера, не отвергала свидѣтельства позднѣйшихъ лѣтописей. Но Карамзинъ рѣшительно не признаетъ ихъ достовѣрными, и все то, чего нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи, называетъ просто выдумкою Татищева. Въ повѣствованіи о названномъ нами князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Карамзинъ считаетъ прибавленіемъ Татищева, что этотъ «великій князь былъ малъ, сухъ, имѣлъ длинную бороду, кудрявые волосы, кривой носъ, говорилъ языкомъ *Латинскимъ* и *Греческимъ* и никогда не хотѣлъ спорить о вѣрѣ» *). Какому же изъ свидѣтельствъ двухъ историковъ принадлежитъ право истины, и какъ разрѣшить ихъ противорѣчіе? Путь къ этому рѣшенію и тою и другою стороною указанъ одинъ и тотъ же: и Татищевъ основываетъ справедливость своихъ показаній на «древнихъ манускриптахъ», и на древнія же лѣтописи опирается возраженіе Карамзина; слѣдовательно къ нимъ и необходимо обратиться. Въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей нашихъ находимъ слѣдующія извѣстія, соотвѣтствующія двумъ, приведеннымъ нами выше: въ Ипатіевской подъ 1180 годомъ: «преставижеся князь Романъ, сынъ Ростиславль, внукъ великаго князя Мьстислава.... сій же благовѣрный князь Романъ бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ и всею добродѣтелью украшенъ, смѣренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имѣяше ко всимъ и къ братьи своей нестѣньную, нелицемѣрную, страха Божія наполненъ, нищая милуя, манастырѣ набдя; и созда церковь камену святаго Іоана, и украсивъ ю всякимъ строеньемъ церковнымъ и иконы, златомъ и финиптомъ украшены, память сдѣвая роду своему, паче же и

---

sten, die Griechisch und andere Sprachen verstehen, die am 1180 in Smolensk eine Schule anlegen, in welcher griechisch und latein gelehrt wird, die dieser Schule ihre, aus mehr als 1000, lauter griechischen Bücher bestehende, Bibliothek vermachten и пр. Этотъ неизвѣстный составитель былъ, по указанію Сопикова, *Тимоѳей Киріакъ* (см. *Сопикова* Опытъ Россійской библіографіи, часть III, стр. 229). Странно, что Шлецеръ автору Учебника приписываетъ всѣ открытія, очевидно заимствованныя у Татищева, отзываясь о послѣднемъ только въ подобныхъ выраженіяхъ: «нельзя сказать, чтобы его трудъ былъ вовсе безполезенъ (выключая I части о Скиѳахъ и Сарматахъ и пр.), хотя онъ и совершенно былъ неученъ, не зналъ ни слова по-Латыни и даже не разумѣлъ ни одного изъ новѣйшихъ языковъ, выключая Нѣмецкаго». Несторъ, перев. Языкова, I, ρΜΓ.

*) Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 44 въ концѣ.

души своей оставленіе грѣховъ прося; и приложися къ дѣдомъ своимъ и отцемъ своимъ, и отдавъ общій свой долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому рожепому»[1]). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1177 годомъ сказано только: «преставися благовѣрный и христолюбивый князь Михалко, сынъ Гюргевъ, внукъ Мономаха Володимера, въ суботу, заходящю солнцю, іюня мѣсяца въ 20 день, на память святаго отца Меѳодья; и положиша и у святое Богородици Золотоверхое въ Володимери, юже бѣ создалъ братъ его Андрѣй»[2]). Сравнивая эти извѣстія съ тѣми, которыя приведены у Татищева, легко замѣчаешь ихъ несходство и также легко склоняешься къ мысли, не есть ли все то, чего недостаетъ въ древней лѣтописи, произвольное дополненіе позднѣйшаго составителя? Но здѣсь рождается вопросъ: въ какой мѣрѣ можно руководствоваться авторитетомъ древней лѣтописи? Все сообщаемое ею принадлежитъ, безспорно, къ числу достовѣрнѣйшихъ сказаній, уцѣлѣвшихъ отъ древности; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что молчаніе ея о какомъ либо событіи даетъ намъ право заключать, что этого событія не было на самомъ дѣлѣ. Иначе, основываясь на томъ, что въ древней лѣтописи годы 998 и 999 оставлены безъ означенія событій, а подъ 1001 годомъ записано только: «преставися Изяславъ, сынъ Володимерь», намъ пришлось бы заключить, что въ 1001 г. только и случилось, что умеръ Изяславъ Владиміровичъ, а въ 998 и 999 вовсе ничего не было въ Русской землѣ. Такой выводъ слишкомъ наивенъ; вѣрный же выводъ состоитъ въ томъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ смерти князя Изяслава, не произошло ничего такого, что лѣтописецъ, по своему взгляду на вещи, считалъ бы особенно замѣчательнымъ и необходимымъ для помѣщенія въ лѣтопись сообразно съ ея общимъ характеромъ. Отсюда прямой переходъ и къ заключенію о разсматриваемомъ нами вопросѣ. Съ такимъ же правомъ мы можемъ заключить, что древній лѣтописецъ потому не упомянулъ о знаніи нашими князьями древнихъ языковъ, что не считалъ этого обстоятельства особенно замѣчательнымъ, а извѣстія

---

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 123.

[2]) Тамъ же, I, 161.

о немъ вполнѣ сообразнымъ съ цѣлью своего труда. Не вдаваясь въ предположенія, почему подобное явленіе могло казаться незамѣчательнымъ, скажемъ только, что лѣтописецъ XII вѣка могъ руководствоваться совершенно тѣмъ же основаніемъ, какъ и преп. Несторъ, неупомянувшій о знаніи пяти языковъ Всеволодомъ при исчисленіи разнообразныхъ достоинствъ этого князя. Вотъ что говоритъ преп. Несторъ при извѣстіи о кончинѣ Всеволода Ярославича, подъ 1193 годомъ: «сій бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризцы, подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьяньства и отъ похоти» *). Отзывъ Нестора о Всеволодѣ напоминаетъ отзывъ позднѣйшаго лѣтописца о Романѣ Ростиславичѣ. Не смотря на то, что Несторъ пропустилъ весьма важное, съ современной намъ точки зрѣнія, извѣстіе объ образованности Русскаго князя въ XI столѣтіи, свидѣтельство о ней поученія Мономахова нисколько не теряетъ своей достовѣрности.

Такимъ образомъ авторитетъ древней лѣтописи имѣетъ въ настоящемъ случаѣ только отрицательное значеніе: не доказывая дѣйствительности, лѣтопись не отвергаетъ возможности знанія извѣстными князьями древнихъ языковъ. Но та же самая лѣтопись, не называя именъ, сообщаетъ извѣстія, доказывающія, что были въ древней Руси знатоки Греческаго языка. Изученіе его вызываемо было и требованіями религіозными, и характеромъ образованности, проникнутой религіознымъ началомъ, и безпрестанными сношеніями съ Греціею по причинамъ весьма разнообразнымъ. Знаніе же Латинскаго языка было слѣдствіемъ сношеній съ западною Европою, въ которой онъ былъ языкомъ Вѣры и становился мало по малу языкомъ образованности. Чѣмъ болѣе образованность Русская сближалась съ западно-Европейскою, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе становилось расположеніе къ языку Латинскому: поэтому цвѣтущая пора для него настала у насъ въ XVI и особенно въ XVII столѣтіи. Въ вѣкахъ же предшествовавшихъ число знатоковъ Греческаго язы-

*) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 92.

ка, по всей вѣроятности, значительно превышало число знатоковъ Латинскаго. Еще въ первой половинѣ XI столѣтія совокупно трудились многіе изъ Русскихъ надъ переводомъ книгъ съ Греческаго языка. Князь Ярославъ, свидѣтельствуетъ лѣтопись, «собра писцѣ многы, и прекладаша отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы»*). Въ XII вѣкѣ еще сильнѣе обнаруживается вліяніе Византійское на нашу письменную словесность, и это вліяніе естественно условливалось знаніемъ языка произведеній, переводимыхъ на Руси людьми любознательными. Мы имѣемъ цѣлый рядъ поученій Кирилла Туровскаго, доказывающихъ въ авторѣ знакомство съ Греческой литературой, именно съ твореніями Греческихъ христіанскихъ ораторовъ. Вообще сочувствіе наше въ древнюю эпоху къ литературѣ христіанской Греціи имѣетъ за себя много доказательствъ и признано наукою еще со времени Шлецера.

Въ XIII вѣкѣ отношенія наши къ Греціи оставались тѣ же самыя. Представители духовенства, митрополиты Русскіе, были или родомъ Греки, какъ напр. Кириллъ I-й и Максимъ, перенесшій митрополію изъ Кіева во Владиміръ, или получали въ Греціи утвержденіе въ своемъ званіи, какъ Кириллъ II, утвержденный въ Никеѣ. Не только высшіе іерархи, но и другіе образованные люди того времени, искали пищи для своей любознательности преимущественно въ произведеніяхъ Греческой духовной литературы. Люди же образованные и любознательные были тогда въ Русской землѣ, и лѣтопись сохранила память о нѣкоторыхъ изъ нихъ, принадлежавшихъ какъ къ духовному, такъ и къ свѣтскому сословію. О князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ усердно заботился о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей, много ихъ создалъ по своей области, исполняя ихъ книгами и всякими украшеніями. Ясно, что потребно было значительное количество книгъ, чтобы надѣлить ими многія церкви. Татищевъ и Шлецеръ допускали, что ихъ было болѣе 1000; другіе же число книгъ считали преувеличеннымъ даже въ показаніяхъ лѣтописныхъ. Такъ Поле-

*) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I. 65.

вой говоритъ: «лѣтописцы явно преувеличиваютъ число книгъ, переведенныхъ на Славянскій языкъ при Ярославѣ и его преемникахъ. Читая, что *книгами были клѣти исполнены*, вспомнимъ слѣдующее: кто изъ простолюдиновъ нынѣ не удивляется, видя на полкѣ десятка три, четыре книгъ? Такъ думали и на Западѣ въ X и XI вѣкахъ. Библіотека Кройландскаго аббатства въ Англіи славилась за чудо, а въ ней было всего 300 томовъ» [1]). Въ приговорѣ Полеваго всего счастливѣе мысль о сближеніи явленій древне-Русской жизни съ подобными явленіями въ жизни другихъ Европейскихъ народовъ; но сравненіе лѣтописцевъ съ простолюдинами отзывается поверхностнымъ взглядомъ на значеніе лѣтописца, какъ извѣстнаго рода дѣятеля во внутренней жизни народа въ древнѣйшій періодъ ея развитія. Лѣтописецъ, во многомъ сочувствуя народу, старину котораго спасалъ отъ забвенія, умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывать смыслъ въ событіяхъ, производившихъ на массы безотчетное впечатлѣніе. Довѣряя вмѣстѣ со всѣми таинственному преданью, онъ объяснялъ его сличеніемъ съ повѣствованіями историческими. Возвышаясь образованностью надъ простолюдинами и трудясь надъ книжнымъ дѣломъ часто совокупными силами, лѣтописцы легко могли привыкнуть къ виду большой массы книгъ, чтобы не удивляться, замѣтивъ ихъ три или четыре десятка. Что въ настоящемъ случаѣ было ихъ несравненно болѣе, очевидно изъ прямаго свидѣтельства лѣтописи, сомнѣваться въ которомъ было бы и неосновательно и несовременно. «Великій князь Констянтинъ, правнукъ Володимера Мономаха — говоритъ лѣтопись — многы церкви созда по своей власти, въображая чюдными въображеніи святыхъ иконъ, исполняя книгами и всякыми украшеніи» [2]). Если ограничить число книгъ необходимыми для богослуженія, то для нѣсколькихъ церквей окажется ихъ довольно много; но будетъ еще болѣе, если присоединить къ нимъ переводы св. отцевъ, основываясь на томъ, что они сохранились въ большомъ количествѣ списковъ. Масса книгъ всего скорѣе могла увеличиваться новыми переводами съ Грече-

---

[1]) Полеваго, Исторія Русскаго народа, т. II, стр. 219, примѣч. 228.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 187.

скаго [1]). Самое же назначеніе ихъ — въ храмы, указываетъ на ихъ содержаніе и языкъ: по содержанію онѣ должны были быть произведенія религіозныя, а по языку — Славянскія, чтобы могли употребляться для богослуженія, общественной молитвы и назиданія.

Въ томъ же вѣкѣ славился просвѣщенною ревностью къ храмамъ Божіимъ князь Владиміръ Васильковичъ. Онъ и сооружалъ новыя церкви, и обогащалъ прежнія драгоцѣнными вкладами, состоявшими преимущественно изъ книгъ. Въ епископію Перемышльскую онъ далъ Евангеліе, имъ самимъ списанное; въ монастырь свой онъ далъ Апостолъ, списанный также собственноручно, и кромѣ того положилъ туда молитвенникъ и сборникъ великій отца своего. Въ Бѣльскѣ онъ «устрои церковъ иконами и книгами», а новосозданному храму въ Любомлѣ принесъ въ даръ: Евангеліе, Апостолъ, прологи, житія святыхъ отцевъ и дѣянія вѣнчавшихся кровію мучениковъ, 12 миней, тріоди, октоихъ, ирмологіонъ, служебникъ св. Георгію, молитвы вечернія и утреннія и т. д. И все это вновь списано по его распоряженію, а не взято изъ древнихъ книгохранилищъ [2]). Сборникъ, отданный монастырю, также какъ и другой сборникъ, положенный въ церковь новаго города Каменца, заключали въ себѣ, какъ полагаетъ современный намъ историкъ Русской

---

[1]) Въ сводной лѣтописи Татищева именно этому обстоятельству приписывается умноженіе книгъ при Константинѣ Всеволодовичѣ, который «великій былъ охотникъ къ чтанію книгъ, и наученъ былъ многимъ наукамъ; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многіе древніе книги Греческіе цѣною высокою купилъ, и велѣлъ переводить на Русскій языкъ, многія дѣла древнихъ князей собралъ и самъ писалъ, такожъ и другіе съ нимъ трудилися. Онъ имѣлъ однихъ Греческихъ книгъ болѣе 1000, которыя частію покупалъ, частію патріархи, вѣдая его любомудріе, въ даръ присылали» (Исторія Татищева, III, 461). Карамзинъ все это считалъ вымысломъ Татищева (Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 179). Но у Карамзина въ выпискѣ изъ лѣтописи не приведено указанное нами мѣсто о снабженіи церквей книгами, а это снабженіе — фактъ, засвидѣтельствованный *древнею* лѣтописью, и самый списокъ ея не позже XIV вѣка.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II, 222 — 223: «въ монастырь свой Апостолы да еуангеліе опракосъ, и апостолъ *самъ списавъ*... и молитвенникъ да. Въ епископью Перемышльскую да еуангеліе опракосъ, окованно сребромь съ женчюгомъ, *самъ же списалъ бяше*.... Созда же и церкви многы: въ Любомли же постави церковъ каменну... еуангеліе *списа* опракосъ, прологы *списа* 12 мѣсяца, мѣнеи 12 *списа*, *списа* же и служебникъ Святому Георгію, и молитвы вечерніи и утрьніи *списа*.»

Церкви, отеческія сочиненія, которыя продолжали *переводить* и при Монголахъ[1]).

Въ первой половинѣ XIII столѣтія была также богатая библіотека въ Ростовѣ, у тамошняго епископа. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что въ 1229 году епископъ Ростовскій Кириллъ оставилъ свою епископію, будучи изнуренъ внутреннею болѣзнью; къ этому присоединилось несчастное для него окончаніе одного тяжебнаго дѣла: его приговорили по суду къ лишенію всего состоянія. А онъ былъ «богатъ зѣло, кунами и селы, и всѣмъ товаромъ, и *книгами*, и просто рещи такъ бѣ богатъ всѣмъ, такъ ни единъ епископъ бывъ въ Суждальстѣй области»[2]). Слѣдовательно изобиліе книгъ, библіотеки, были одною изъ принадлежностей быта Русскихъ богачей въ XIII столѣтіи. Кромѣ книгъ Русскихъ, въ составъ библіотекъ, какъ открылось въ XVI вѣкѣ, входили и книги Греческія, а чтобы пользоваться ими, необходимо было знаніе Греческаго языка. Если же большинство читателей довольствовалось переводами, то знаніе греческаго языка остается прямою потребностью для переводчиковъ, и хотя при этомъ условіи уменьшается количество знавшихъ по-Гречески, за то возвышается качество самого знанія: ибо для перевода съ иностраннаго языка потребно гораздо болѣе предварительнаго изученія, нежели просто для чтенія на этомъ языкѣ.

Хотя не въ такой степени, какъ Греческій, однакоже былъ извѣстенъ въ XIII-мъ столѣтіи и Латинскій языкъ. Если папскіе легаты вели переговоры съ Русскими князьями, бесѣдовали съ Русскими епископами, не зная ни слова по-Русски, то разговоръ всего скорѣе могъ идти по-Латыни, ибо Латинскій языкъ скорѣе могъ быть понимаемъ на Руси, нежели родной легатамъ — Итальянскій. А такіе переговоры бывали въ XIII вѣкѣ. Плано-Карпини разсказываетъ, что во время пребыванія ихъ посольства у Василька, князя Владимірскаго-Волынскаго, этотъ князь собралъ, по ихъ просьбѣ, своихъ епископовъ, которымъ прочли они папскую грамату, увѣщевавшую ихъ соединить-

---

[1]) Исторія Русской Церкви. Період II. 1850, стр. 62.
[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 192.

ся съ Римскою церковью. «Мы съ своей стороны также — прибавляетъ Плано-Карпини — убѣждали къ тому какъ князя (Ducem), такъ епископовъ и прочихъ. Но такъ какъ тутъ не было Даніила, брата Василькова, который поѣхалъ къ Батыю, то они и не могли дать намъ рѣшительнаго отвѣта.» Этотъ же путешественникъ сознается въ незнаніи Русскаго языка людьми, подвластными папѣ. На вопросъ хана: «есть ли у папы люди, кои разумѣли бы Русскую грамоту?», послы отвѣчали положительно: «у насъ такихъ людей нѣтъ».[1])

XIV вѣкъ по своему историческому значенію не представляетъ рѣзкаго отличія отъ вѣковъ предшествовавшихъ. Всѣ условія быта остались тѣже самыя, и потому тѣже черты сохранила и народная образованность. Только продолжительное иго замѣтно стѣснило ее и препятствовало приносить тѣ плоды, коихъ должно было ожидать по прекрасной зарѣ ея въ XI и XII вѣкахъ, какъ признаютъ даже иностранные ученые.[2]) Литература наша по прежнему обогащалась переводами съ Греческаго, и Русскіе изучали Греческій языкъ и въ самой Россіи, и внѣ предѣловъ отечества. Въ Греціи образовалось какъ бы небольшое общество для перевода книгъ на Русскій языкъ. Русскій путешественникъ XIV вѣка передаетъ свою радость при встрѣчѣ «своихъ Новгородцевъ», которые пропали-было безъ вѣсти и съ которыми не думалъ никогда уже встрѣтиться; они сказали ему, что «живутъ туто, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ священнаго писанія».[3]) Степенная книга свидѣтельствуетъ, что митрополитъ Кипріанъ время пребыванія въ своемъ подмосковномъ селѣ посвящалъ занятіямъ литературою. Плодомъ этихъ занятій были и собственныя его сочиненія и многія пе-

---

[1]) Путешествія къ Татарамъ, изд. *Языковымъ*, стр. 8 и 54.

[2]) Замѣчателенъ, между прочимъ, отзывъ Фридриха Шлегеля. См. его Исторію древней и новой литературы. II, 47: «Между Славянскими націями Россія въ средніе вѣки имѣла рано уже своихъ національныхъ бытописателей на отечественномъ языкѣ — преимущество неоцѣненное и *доказательство неопровержимое начинанія умственной національной образованности*, которая до опустошеній, причиненныхъ Монголами, долженствовала быть болѣе общею и распространенною въ Россіи. Процвѣтаніе торговли, старинныя связи съ Константинополемъ и *другія историческія обстоятельства* дѣлаютъ это весьма вѣроятнымъ.»

[3]) Сахарова, Сказанія Русскаго Народа. Т. II, книга 8, стр. 54.

реводы съ Греческаго. [1]) Другой писатель нашъ, митрополитъ Алексѣй въ бытность свою въ Константинополѣ *перевелъ съ Греческаго* снова все Евангеліе, и переводъ его чрезвычайно близокъ къ подлиннику. [2])

Начало XV столѣтія въ отношеніи къ литературной дѣятельности было продолженіемъ XIV-го. Многіе писатели стоятъ на рубежѣ этихъ двухъ столѣтій, связывая ихъ рядомъ произведеній, въ которыхъ постоянно обнаруживается вліяніе Византіи. Творенія духовныя, труды Отцевъ Церкви составляютъ наибольшую долю тогдашней переводной словесности. Кромѣ того переводились и произведенія другаго рода. Въ началѣ XV, а можетъ быть и въ XIV в., переведена прозою съ Греческаго поэма Георгія Писиды: О міротвореніи. Вѣроятно стихотворный размѣръ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, былъ причиною, что эта поэма такъ не скоро нашла себѣ переводчика въ Россіи: она написана въ VII вѣкѣ. Обыкновенно же переводы наши не отдѣлялись отъ своихъ подлинниковъ такимъ продолжительнымъ временемъ. Поэма произвела при появленіи своемъ въ Русскомъ переводѣ весьма пріятное впечатлѣніе на читателей, какъ можно судить по тому, что о ней упомянуто даже въ лѣтописи. Любопытенъ способъ упоминанія, показывающій, какое значеніе лѣтописцы придавали литературнымъ трудамъ въ кругу другихъ явленій народной жизни. «Тоя же зимы (1385) — сказано въ сводной лѣтописи Татищева — посадники Новогородскіе учиниша вече по старому обычаю.... Тоя же зимы князь Михайло Александровичь Тверскій женилъ сына своего князя Василья.... Того же лѣта переведено бысть слово святаго и премудраго Георгія Писида, еже есть похвала къ Богу о сотвореніи всея твари.» [3]) Подобнымъ же образомъ, въ ряду самыхъ разнохарактерныхъ происшествій, отмѣчали и западные лѣтописцы появленіе литературныхъ произведеній. Въ лѣтописяхъ

---

[1]) Степенная Книга. I, 558: «Пребывая въ своемъ селѣ на Голенищевѣ, между двою рѣкъ, Сѣтуни и Раменки, идѣже... и книги своею рукою писаше, и многія святыя книги съ Греческаго языка на Русскій языкъ преложи» и т. д.

[2]) Онъ хранится въ Чудовѣ монастырѣ. См. Исторія русской церкви. II, 56.— Возглашеніе къ читателямъ при Новомъ Завѣтѣ на Славянск. и Русскомъ яз. М. 1822. стр. IV.

[3]) Татищева, Россійская Исторія. IV, 313.

Фульдскихъ читаемъ: Illudowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum, Gotzomiuzli, terramque illorum et populum sibi divinctus subjugatum per duces ordinavit. Rhabanus quoque, sophista et sui temporis poetarum nulli secundus, librum, quem de laude sanctae crucis Christi, figurarum varietate distinctum, difficile et mirando poemate composuit», и т. п.[1])

Въ XV столѣтіи возникаетъ новая и живая связь съ Византіею; къ намъ переселяются многіе изъ ея жителей и приносятъ нѣкоторые Греческіе обычаи: уже не одни только религіозные интересы сближаютъ Россію съ Греціею. Пока существовало только духовное единство, писатели наши съ полнымъ сочувствіемъ вписывали въ свои лѣтописи событія византійскія; но какъ скоро чужое вліяніе коснулось другихъ сторонъ жизни, лѣтописцы замѣтили, что «земля наша замѣшалася и старые обычаи переставились».[2]) Сближеніе наше съ Византіею, усилившееся по взятіи Константинополя Турками, переселеніе къ намъ Грековъ, повлекло за собою, вѣроятно, и распространеніе въ извѣстной мѣрѣ Греческаго языка. Онъ не сдѣлался у насъ господствующимъ ни въ какомъ классѣ общества; но познакомиться съ нимъ представлялось весьма много средствъ, коими, безъ сомнѣнія, и пользовались въ большей или меньшей степени.

Что же касается до Латинскаго языка, то знатоковъ его было, по видимому, немного; особенную нужду чувствовали въ нихъ для сношеній съ иностранными державами, ибо латинскій языкъ былъ тогда дипломатическимъ, и въ дѣлахъ дипломатическихъ употреблялись довольно часто новоприбывшіе Греки. Лѣтописи упоминаютъ неоднократно о назначеніи Грековъ въ посольство къ иностраннымъ дворамъ, а исторіографъ признаетъ, что прибытіе Грековъ съ царевною Софіею было особенно полезно для Россіи по ихъ знаніямъ въ Латинскомъ языкѣ, необходимомъ для внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ.[3]) Но въ самомъ началѣ слѣдующаго столѣтія упоминаются уже, какъ

---

[1]) Monumenta Germaniae historica, edidit *Pertz*. Annalium Fuldensium pars II ann. 844.

[2]) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, Снегирева. I, 35 — 36.

[3]) Исторія Государства Россійскаго. Изд. шестое. 1852. Т. VI, стр. 71.

увидимъ, природные Русскіе, говорящіе по Латыни съ иностранными Монархами.

Въ XVI вѣкѣ повторяется отчасти тоже самое явленіе, которымъ такъ памятенъ XI вѣкъ въ исторіи Русской образованности. Литературное движеніе, начавшееся въ XI столѣтіи въ Кіевѣ, обнаруживается теперь въ Москвѣ; предпринимаются новые переводы съ Греческаго, а прежніе подвергнуты строгому пересмотру и исправленію. Душою литературной дѣятельности былъ Максимъ Грекъ, извѣстный какъ своими знаніями и трудами, такъ и своими несчастіями. Онъ приступилъ къ своему дѣлу съ превосходнымъ по тому времени филологическимъ приготовленіемъ; не только переводъ, самый текстъ былъ во многихъ мѣстахъ исправляемъ основательнымъ знатокомъ Греческаго языка. Сочувствіе къ важному труду нашелъ Максимъ Грекъ въ людяхъ образованныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Между послѣдними нельзя забыть князя Курбскаго, Русскаго писателя, знавшаго Греческій языкъ, что доказывается его переводами съ Греческаго, изъ твореній Іоанна Златоуста и историка Евсевія.[1]) Курбскій, по собственному его свидѣтельству, участвовалъ въ переводѣ книгъ отеческихъ, предпринятомъ Максимомъ Грекомъ. Явленіемъ этого перевода придается новая черта древнерусской образованности, опредѣляющая взглядъ предковъ нашихъ на изложеніе истинъ Вѣры языкомъ общепонятнымъ. Давно уже, говоритъ Курбскій, паписты желали имѣть Греческія книги и просили ихъ «на пренись»; даже предлагали за нихъ большую сумму: иные говорятъ, что за каждый листъ назначали они по «червоному златому», другіе, по «коруннѣ, яжъ по три златыхъ червоныхъ важитъ». Теперь же, продолжаетъ Курбскій, «безъ всякіе цѣны даромъ преведенна не малая часть отъ нихъ, на нашъ языкъ Словенскій, ово Максимомъ Философомъ и Селиваномъ, ученикомъ его, ово *мною многогрѣшнымъ* съ помощники моими, учеными мужами, искусными толковники въ Римской бесѣдѣ.»[2]) Готовясь къ переводамъ съ

---

[1]) Сказанія князя Курбскаго. Н. Устрялова. 1852. стр. XXXIII.

[2]) Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изд. Кіевскою Коммиссіею. Т. II, стр. 308 — 309.

Греческаго языка, говоритъ Курбскій, «склоняхъ спадки (казузы), и роды и образцы и часы, и иные громатическіе чины неотмѣнне и истинне; такъ и разума нигдѣжъ разтлѣхъ, бо престерехся того со великимъ трудомъ и прилежаніемъ. Также и знаки книжнымъ обычаемъ поставляхъ.»[1])

О знакомствѣ съ Латинскимъ языкомъ сохранилось нѣсколько указаній въ статейныхъ спискахъ. Изъ нихъ извѣстно, что въ 1518 году отправлены къ императору Максимиліану посолъ Владиміръ Племянниковъ и толмачъ Истома малый, и Императоръ лично объяснялся съ ними по-Латыни. Въ статейномъ спискѣ говорится: «Максимиліанъ, избранный Цесарь, въсталъ и съ мѣста сступилъ и призвалъ къ себѣ Володимера и Истому, говорилъ самъ *полатынски*, снявъ шапку». Здѣсь же приводятся слова собесѣдниковъ.[2]) Должно полагать, что число знавшихъ по-Латыни увеличилось въ XVI столѣтіи въ сравненіи съ вѣками предъидущими по причинѣ постоянно усиливавшихся сношеній нашихъ съ западными государствами Европы. Самая потребность изученія Латинскаго языка чувствовалась довольно сильно, какъ можно заключить, между прочимъ, изъ того, что Іоаннъ IV признавалъ необходимымъ учредить въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ училища, въ коихъ преподавался бы Латинскій языкъ. Намѣреніе свое высказалъ Іоаннъ IV въ замѣчательной рѣчи, обращенной къ двумъ плѣннымъ Ливонцамъ, взысканнымъ его милостями и довѣріемъ. «Императоръ Римскій Фердинандъ, — говорилъ Іоаннъ, — предлагая мнѣ свою любовь и братское расположеніе, требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы я возвратилъ Ливонію рыцарямъ Тевтонскаго ордена. Я съ своей стороны не отказываюсь рѣшительно отъ переговоровъ по этому дѣлу; ибо происходя изъ славнаго рода Баварскихъ герцоговъ, легко могу склониться на убѣжденія уступить Ливонію, на извѣстныхъ условіяхъ, одному изъ моихъ родственниковъ. Когда же это случится, то всячески буду настаивать на томъ, чтобы въ городахъ моихъ, Псковѣ и Новгородѣ, открыты были училища и въ нихъ училп бы Русское

---

[1]) Тамъ же, II, 312.

[2]) Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи. Т. I, 346 — 347.

юношество Латинскому и Нѣмецкому языкамъ.[1]) Въ XVI-мъ же столѣтіи одинъ изъ извѣстнѣйшихъ полководцевъ нашихъ, князь Курбскій, отличался кромѣ воинскихъ дарованій и способностью и охотою къ изученію иностранныхъ языковъ. Курбскій владѣлъ, какъ извѣстно, четырьмя языками: Русскимъ, Польскимъ, Греческимъ и Латинскимъ. Это изученіе было однимъ изъ любимыхъ занятій, которому онъ предавался съ особеннымъ усердіемъ, какъ видно изъ его собственнаго свидѣтельства о занятіяхъ языкомъ Латинскимъ. «Я не мало лѣтъ — пишетъ Курбскій — изнурихъ по силѣ моей уже въ сѣдинахъ, со многими труды пріучахся языку Римскому.»[2])

XVII столѣтіе соединяетъ древнюю Россію съ новою. Сближаясь во многомъ съ вѣками предшествовавшими, XVII вѣкъ нѣкоторыми чертами обнаруживаетъ иной характеръ, начало того умственнаго движенія, которое развилось въ послѣдующемъ столѣтіи. Постепенный переходъ изъ древняго быта въ новый ясно выразился въ постепенно измѣнявшемся направленіи образованности. Въ разсматриваемый нами періодъ южное вліяніе иноземное соединяется съ западнымъ, дѣйствующимъ все сильнѣе и сильнѣе. Связь съ югомъ Европы, съ Греціею, ограничивается цѣлями религіозными, какъ было до исхода почти XV вѣка. Литература наша обогащается переводами, принадлежащими къ одной категоріи съ прежними по духу и выбору предметовъ: одинъ Епифаній Славинецкій (ум. 1676) оставилъ много переводовъ съ Греческаго, изъ коихъ особенно замѣчателенъ переводъ Св. Писанія, и т. п. Греческій языкъ считался въ XVII столѣтіи условіемъ образованности и необходимымъ предметомъ преподаванія въ Русскихъ училищахъ, открывае-

---

[1]) Scriptores rerum Livonicarum. II, 1848. Moscoviae ortus et progressus, authore *Daniele Printz a Bucchau*, стр. 702: «Cum vero sacratissimus Romanorum Imperator Ferdinandus per literas amicitiam et fraternam benevolentiam suam mihi obtulerit, et praeterea postularit, ut Livoniam Germanicae militiae equitibus restituerem, non equidem abnuo, ut hisce de rebus inter nos transigatur. Cum enim originem meam ex inclyta Bavarorum ducum familia habeam, facile mihi persuaderi patiar, ut uni cognatorum meorum Livoniam certis conditionibus concedam. Quod si factum fuerit, *in eam rem incumbam, ut in urbibus meis Plescovia et Novogardia ludi literarii aperiantur, in quibus juventus Ruthenica in lingua latina et germanica instituatur.*

[2]) Сказанія князя Курбскаго. 1842. стр. XXIV.

мыхъ въ значительномъ количествѣ и по благословенію православныхъ Греческихъ патріарховъ. Вмѣстѣ съ Греческимъ быстро распространяется языкъ Латинскій · онъ становится даже языкомъ образованности, хотя не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ было то на западѣ. Въ Славяно-Греко-Латинской Академіи, учрежденной въ Москвѣ, преподаваніе происходило на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ: грамматика и піитика преподавались по-Гречески, а логика, риторика и физика по-Гречески и по-Латыни. Курсъ древнихъ языковъ былъ преимущественно практическій, воспитанниковъ постоянно упражняли въ разговорѣ на этихъ языкахъ, и черезъ три года по открытіи заведенія ученики могли уже *говорить* по-Гречески и по-Латыни и перевели нѣсколько книгъ съ Греческаго и съ Латинскаго. [1])

Такъ было въ Москвѣ во второй половинѣ XVII-го столѣтія; но въ началѣ его, изученіе древнихъ языковъ далеко не въ одинаковой степени распространялось въ сѣверной и южной половинѣ Россіи. Извѣстный путешественникъ, Олеарій, придворный математикъ и библіотекарь герцога Голштейнъ-Готторпскаго, посѣщавшій сѣверную Россію въ 1633 и 1636 годахъ, упоминаетъ въ своемъ путешествіи о совершенномъ незнаніи Русскими Греческаго и Латинскаго языковъ. «Уже по тому одному, говоритъ онъ, что Русскіе въ своихъ школахъ учатся только Русскому языку, да много что Славянскому, никто изъ нихъ, будь онъ духовнаго или свѣтскаго званія, высшаго или низшаго сословія, не понимаетъ ни слова ни по-Гречески, ни по Латыни.» [2]) Хотя слова Олеарія нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, однако самая возможность такого рѣшительнаго, но не вѣрнаго, приговора у писателя, подобнаго Олеарію, показываетъ, что знаніе древнихъ языковъ вовсе не процвѣтало въ той части Россіи, которую удалось ви-

---

[1]) Прибавленія къ Творенію Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1852. Часть XI. стр. 73. Начало Славяно Греко-Латинской Академіи.

[2]) Vermehrte Moscowitische und Persianische Reisebeschreibung zum andern mahl herausgegeben durch *Adam Olearius*. Schleszwig. Im Jahr 1666, стр. 280: «Sonst weil die Russen in ihren Schulen nicht mehr als ihre und auffs höchste Sclavonische Sprache schreiben und lesen lernen, verstehet auch kein Russe, er sey Geistlich oder Weltlich, hohes oder niedriges Standes Personen, nicht ein Wort weder griechisch noch lateinisch.»

дѣть Нѣмецкому путешественнику. Какъ писатель, Олеарій отличается вообще безпристрастіемъ. Безпристрастіе его выражается въ той откровенности, съ какою онъ говоритъ какъ о дурныхъ, такъ и о хорошихъ свойствахъ Русскаго народа. Отрицая знаніе древнихъ языковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ у Русскихъ даръ къ изученію иностранныхъ языковъ и вообще способность и расположеніе ко всякаго рода умственной дѣятельности. «Изъ Русскихъ, продолжаетъ онъ, многіе способны заниматься науками; между ними есть люди съ острыми дарованіями, соединяющіе свѣтлый умъ съ счастливою памятью. Теперешній думный дьякъ посольскаго приказа, Алмазъ Ивановичь,[1] еще въ молодыхъ лѣтахъ былъ однажды въ Персіи и въ Турціи, и въ короткое время до того усвоилъ языки Персидскій и Турецкій, что можетъ объясняться на нихъ безъ помощи переводчика.»[2] Свидѣтельства Олеарія имѣютъ преимущество достовѣрности въ сравненіи съ извѣстіями многихъ другихъ путешественниковъ. Онъ былъ человѣкъ съ большими свѣдѣніями, матеріалы для труда своего собиралъ съ неутомимымъ усердіемъ и величайшею осторожностью въ выборѣ источниковъ, а потому трудъ его признается учеными весьма цѣннымъ пособіемъ для изученія Русской старины.[3]) При счастливой способности къ изученію языковъ Русскимъ легко было избѣжать замѣченнаго Олеаріемъ недостатка въ образованіи. Дѣйствительно, въ томъ же вѣкѣ занятіе древними языками стало распространяться болѣе и болѣе. Другой иностранецъ, бывшій въ Россіи во второй половинѣ XVII столѣтія, Генрихъ Лудольфъ, встрѣчалъ уже между Русскими людей, знавшихъ по-Латыни. Лу-

---

[1]) Алмазъ Ивановичь—думный дьякъ посольскаго приказа при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Службу свою началъ 1640 г., умеръ 1669 г. Настоящее его имя было Ерофей; прозвище Алмазъ, эмблема твердости, получилъ, какъ полагаютъ, по своимъ превосходнымъ качествамъ.

[2]) Olearius: Reisebeschreibung, стр. 281: «Es fehlet ihnen (den Russen) nicht an guten Köpffen zu lernen. Man findet unter ihnen feine Ingenia, welche mit gutem Verstand und Gedächtniss begabet. Der jetzige Reichs-Canceler in der Gesandten Canzelei Almas Iwanowitz, ist in seiner Jugend einsten in Persien und Türckeyen gewesen hat ihre Sprachen im kurtzer Zeit also begriffen, dass er jetzt mit selbiger Nationen ohne Dolmetsch reden kan.

[3]) *Adelung:* Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland. 1846, Band II, 299 — 300.

дольфъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ Русскихъ занимаются Латинскимъ и Нѣмецкимъ языками, и при томъ въ Москвѣ открыто училище, въ которомъ преподаются языки Греческій и Латинскій.[1]) Написавши Русскую Грамматику, Лудольфъ посвятилъ ее князю Борису Алексѣевичу Голицыну, которому, по словамъ автора, знаніе Латинскаго языка открыло путь къ объясненію съ иностранцами. Извѣстно, что кн. Б. А. Голицынъ, (1641 — 1713), бывшій дядькою Петра Великаго, говорилъ и по-Латыни и по-Гречески.[2]) Дѣти Царя Алексѣя Михайловича учились по-Латыни у Симеона Полоцкаго.[3])

Между тѣмъ какъ въ сѣверной половинѣ Россіи незнаніе древнихъ языковъ обратило на себя вниманіе иностранца, въ южной изумляло не иностранцевъ, а природныхъ Русскихъ употребленіе ихъ соотечественниками чужаго, непонятнаго языка. Я говорю о Латинскомъ языкѣ и его общемъ употребленіи въ училищахъ южнаго края Россіи. Тамъ онъ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова языкомъ воспитанія, и это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что убѣдительно доказываетъ близкую связь нашу съ европейскимъ западомъ еще въ теченіе XVII вѣка. Преобладаніе Латинскаго языка, обнаружившееся въ русскихъ училищахъ, есть общая черта европейской образованности того времени. Люди, стоявшіе во главѣ образованнаго общества, представители современнаго имъ просвѣщенія воспитывались сами и утверждали необходимость воспитанія при сильномъ вліяніи Латинскаго языка, на коемъ передавались всѣ познанія, различныхъ родовъ и съ различными цѣлями, отъ элементарныхъ до самыхъ высокихъ и отвлеченныхъ. Изъ множества свидѣтельствъ о взглядѣ на воспитаніе и ученость, господствовавшемъ нѣкогда во всей Европѣ, укажу на два, при-

---

[1]) См. Grammatica Russica. Oxonii. 1696. Praefatio. «Russos etiam nonnullos linguae latinae et germanicae studiosos inveni. Imo patriarchali auctoritate schola erecta est Moscoviae, ubi graeci ludimagistri linguam latinam et graecam docent, ita ut fundamentali Russiae legi disciplinae et studia non adversentur, sicuti a nonnullis traditum est.

[2]) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, составл. *Д. Бантышъ-Каменскимъ.* Часть 2, стр. 51.

[3]) Ср. статья *Соловьева* о Миллерѣ. Современникъ. 1854. № X., стр. 143. примѣч. 48.

надлежащимъ лицамъ, весьма замѣчательнымъ въ исторіи европейскаго просвѣщенія. Сравненіе этихъ свидѣтельствъ съ современнымъ имъ образомъ воспитанія у насъ покажетъ, что многія черты его въ Россіи и въ другихъ странахъ Европы представляютъ между собою разительное сходство. Монтень, извѣстный Французскій писатель XVI вѣка, самъ разсказываетъ о своемъ воспитаніи въ своихъ «Essais», которые до сихъ поръ считаются учеными Франціи классическимъ произведеніемъ ихъ литературы въ родѣ нравственно-философскомъ. Монтень говоритъ, что отецъ его употреблялъ всѣ усилія, чтобы дать ему самое лучшее, по понятіямъ того времени, воспитаніе. Съ этою цѣлью онъ обращался къ совѣту людей просвѣщенныхъ и глубокомысленныхъ, и общее мнѣніе было то, что если Европейцы XVI вѣка не могутъ достигнуть величія духа и глубины познаній древнихъ Грековъ и Римлянъ, то единственная причина заключается въ медленности и усиліяхъ при изученіи языковъ, знаніе которыхъ не стоило древнимъ ни малѣйшаго труда. Не желая отстать отъ вѣка, отецъ Монтеня послѣдовалъ общему мнѣнію: отдалъ сына еще груднымъ ребенкомъ на руки гувернеру, Нѣмцу, не знавшему ни слова по-Французски, но отлично говорившему по-Латыни; при гувернерѣ было еще два помощника, которымъ вмѣнено въ обязанность говорить съ молодымъ Монтенемъ не иначе, какъ по-Латыни. Первыя слова, слышимыя имъ въ колыбели, были Латинскія, первыя слова, произнесенныя имъ самимъ, были также Латинскія. На седьмомъ году возраста онъ также точно ничего не слыхивалъ о своемъ родномъ языкѣ, какъ и о какомъ-нибудь Арабскомъ. Не только воспитатели, но все семейство Монтеня, отецъ, мать, даже слуги говорили по-Латыни. Отецъ и мать, благодаря воспитанію сына, сами пріобрѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Латинскомъ языкѣ, а лакеямъ и горничнымъ отданъ былъ строгій приказъ произносить въ присутствіи воспитанника только тѣ слова и фразы, которыя заставляли ихъ заучивать по-Латыни каждый разъ передъ бесѣдою съ ихъ будущимъ владѣльцемъ. *)

Ученый XVII столѣтія, Даніилъ Моргофъ, въ сочиненіи сво-

---

*) Les Essais de Michel seigneur de Montaigne. Paris, 1725, t. I, p. 169 — 170.

емъ «Polyhistor», любопытномъ памятникѣ тогдашнихъ понятій объ исторіи литературы, какъ наукѣ,[1]) посвящаетъ особую главу разсмотрѣнію методы преподаванія древнихъ языковъ — De methodo in linguis, latina praecipue et graeca, discendis tenenda. Въ ней онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ удивительныхъ успѣховъ въ разговорномъ употребленіи языка Латинскаго. Между прочимъ разсказываетъ, что въ Парижъ привозили четырехлѣтнее дитя, превосходно говорившее по-Латыни и до того возбудившее общее вниманіе, что его, какъ диковинку, представляли даже королю. Это дитя не только быстро объяснялось по-Латыни, но и при самомъ бѣгломъ разговорѣ соблюдало всѣ грамматическія правила до малѣйшихъ тонкостей, никогда не дѣлая ошибки ни въ склоненіяхъ, ни въ спряженіяхъ, ни въ синтаксисѣ. Если говорили при дитяти: *ubi ibis a prandio?* или *conscendere in equo*, оно сейчасъ же поправляло: *quo ibis*, *conscendere in equum*, и т. п. Основываясь на подобныхъ примѣрахъ, показывающихъ, какъ полагали, что разговорная метода и легче и полнѣе знакомитъ съ чужимъ языкомъ, Моргофъ, какъ и его современники, признавалъ ее наиболѣе полезною и существенно необходимою. Онъ говоритъ положительно, что многіе раздѣляютъ убѣжденіе, что Латинскій языкъ несравненно лучше изучать изъ живаго разговора, нежели изъ книгъ и грамматическихъ учебниковъ. Въ сочиненіи Моргофа упоминается о любопытномъ предложеніи одного писателя Французскому королю учредить цѣлое общество Латинское (civitas latina), въ коемъ бы всѣ безъ исключенія говорили по-Латыни. Моргофъ съ своей стороны находитъ существованіе подобнаго общества весьма возможнымъ, и полагаетъ, что не болѣе 20 лѣтъ нужно для того, чтобы всѣ члены его, даже ремесленники, объяснялись между собою совершенно свободно по-Латыни.[2])

---

[1]) Энциклопедическій характеръ, отличающій всѣ произведенія учености, не достигшей еще полнаго, отчетливаго опредѣленія сферы каждой науки, выражается въ самомъ названіи труда Моргофа: Polyhistor, sive de notitia auctorum et rerum commentarii, quibus praeterea varia ad *omnes disciplinas* consilia et subsidia proponuntur.

[2]) Danielis Georgi Morhofi Polyhistor. Lubecae. 1695. Editio secunda. «In eam cogitationem multi venerunt, ut linguam Latinam e conversatione cum latine loquentibus potius, quam e Grammaticis praeceptis et lectione, addiscendam suase-

Тѣже вопросы о воспитаніи, которые занимали собою лучшіе умы въ Европѣ XVI и XVII в. были предметомъ разсужденія и въ Россіи. При открытіи училищъ опредѣляли, какую науку преподавать на какомъ языкѣ, и, подобному тому, какъ въ западной Европѣ, общее мнѣніе людей образованныхъ отдало преимущество языку Латинскому, въ изученіи коего принято также исключительно практическое направленіе. Въ подтвержденіе этого довольно вспомнить объ учебномъ заведеніи, имѣющемъ такое важное значеніе въ исторіи Русской образованности XVII вѣка, объ Академіи Кіевской. Въ ней, особенно въ періодъ съ 1631 по 1701 годъ, знаніе Латинскаго языка было въ высшей степени распространено. Онъ былъ и языкомъ науки и языкомъ разговорнымъ. На немъ преподавались всѣ учебные предметы, кромѣ катихизиса и Славянской грамматики. По-Латыни же обязаны были говорить воспитанники въ классахъ и внѣ классовъ, дома и на улицѣ, всюду, гдѣ только приходилось имъ встрѣчаться. За ошибку въ Латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-Русски, виновный подвергался самому строгому взысканію. «Можно представить себѣ, говоритъ историкъ Кіевской Академіи, чѣмъ могло казаться сословіе учащихся, коихъ число нерѣдко простиралось отъ 800 до 1000 и болѣе, съ своимъ незнакомымъ языкомъ, для простыхъ гражданъ Кіевскихъ. Въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ это былъ, можно сказать, какой-то особенный народъ посреди народа Русскаго, Русскій по духу и по всему, но не Русскій по слову.» *) Многіе духовные наши писатели, образовавшіеся въ XVII столѣтіи, писали свои сочиненія на Латинскомъ языкѣ. Его вліяніе простиралось всюду, на всѣ роды и виды литературы; оно проникало и въ обыкновенную переписку, не назначаемую для печати, по дѣламъ общественнымъ и даже домашнимъ. Люди образованные любили красить слогъ своихъ писемъ словами и выраженіями Латинскими, которыя, отъ смѣси ихъ съ Русско-Польскими

---

rint»» (стр. 416). «Non inepte autor ille Regi Galliae suadet, ut talem aliquam Civitatem Latinam instituat, qua sola conversatione Latinam linguam doceantur pueri. Ego sane ipsi plane adstipulor et credo intra 20 annos extrui talem societatem posse, qua omnes etiam opifices latine loquantur» (стр. 420 — 421).

*) Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха Макарія Булгакова. 1843. стр. 75 — 76 и 13.

словами и оборотами, придавали слогу самую нехудожественную пестроту. Она и по своему источнику и по способу проявленія, весьма близка къ позднѣйшему искаженію Русской рѣчи происшедшему, по выраженію извѣстнаго писателя, отъ смѣси «Французскаго съ Нижегородскимъ». Одинъ изъ ученыхъ XVII вѣка въ подобныхъ выраженіяхъ переписывался съ гетманомъ Мазепою: «Не маетъ быти той соборъ pro legitima Synodo.... Старалемся тыи письма переслати вельможности вашей, але не могли смо на скоромъ часѣ достати. De forma vero consecrationis sacrosanctae evcharistiae не было въ тамъ-томъ (Польск. *tamten*) листѣ жадной взмѣнки и по сей часъ не машъ. Заслышали смо почасти, же коло того мудрствуютъ оныи Греческіи, чили Греко-Латинскіи учителѣ на Москвѣ; алѣ до насъ sevio haec questio non pervenit, а мы якоже научихомся отъ отецъ нашихъ, тако исповѣдуемъ.»[1]) Такая страсть къ Латинскому языку всего вѣрнѣе объясняется сочувствіемъ предковъ нашихъ къ западно-европейской образованности.[2]) Метода преподаванія въ Кіевской Академіи и характеръ учебниковъ не остались безъ слѣда въ исторіи нашей теоретической литературы. Литературныя понятія, высказываемыя отъ времени до времени извѣстными писателями XVIII вѣка, напоминаютъ во многомъ теорію, принимаемую учеными Кіевской Академіи. Самая форма—языкъ преподаванія упорно держался въ нѣкоторыхъ училищахъ, стремившихся подражать своему первообразу. Вѣроятно это же процвѣтаніе Латинскаго языка въ *духовномъ* училищѣ Кіева послужи-

---

[1]) Письмо Кіевопечерскаго архимандрита Варлаама Ясинскаго къ Мазепѣ отъ 26 іюля 1688 г. Оно напечатано въ сочиненіи: «Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. М. 1849.», изд. Московск. Духовн. Акад. — Латинизмы Ясинскаго также дики для Русскаго языка, какъ и галлицизмы литераторовъ XVIII вѣка, пытавшихся писать подобнымъ слогомъ: «аманта моя сдѣлала мнѣ инфидилите, а я а кусюръ противъ ривала своего буду реванжироваться», и т. д. Ср. Сумарокова. Сочиненія. Ч. IX, стр. 244 и слѣд.

[2]) Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха Макарія Булгакова. 1843. стр. 76. Патріархъ Паисій въ граматѣ своей говоритъ, что Латинскій языкъ нуженъ Русскимъ потому, что они живутъ между Латинами. Сильвестръ Коссовъ доказываетъ необходимость его Русскимъ для совѣщанія на сеймахъ, куда обязаны были являться жившіе подъ Польскимъ владѣніемъ. Но авторъ Исторіи Академіи весьма справедливо признаетъ главною причиною возвышенія Латинскаго языка въ Кіевской Коллегіи то, что уваженіе къ Латинскому языку было тогда общее во всѣхъ европейскихъ училищахъ, и отличное знаніе его почиталось необходимою потребностью образованнаго человѣка.

ло источникомъ одному изъ общественныхъ предразсудковъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, состоявшему въ томъ, что учиться Латинскому языку считали необходимымъ только для того, кто назначалъ себя въ духовное званіе.*) Предразсудокъ этотъ самъ по себѣ можетъ казаться страннымъ для народа, который никогда не принималъ католичества, и у котораго духовенство вовсе не нуждалось въ Латинскомъ языкѣ для богослуженія.

Отъ языковъ древняго міра обращаемся къ языку отечественному, знаніе коего составляло, какъ мы сказали, прямую потребность древне-Русской образованности. Здѣсь прежде всего привлекаетъ вниманіе непрерывная послѣдовательность въ употребленіи, устномъ и письменномъ, предками нашими своего роднаго языка. Всѣ оригинальныя произведенія писались исключительно по-Русски до XVI и XVII в., когда Русскіе авторы писали и по-Русски, и по-Латыни, и по-Польски. Въ древній же періодъ литературнымъ языкомъ постоянно оставался Русскій; даже иностранцы, жившіе и писавшіе въ Россіи, выбирали Русскій языкъ орудіемъ своей литературной дѣятельности, начиная отъ митрополита Никифора въ XII вѣкѣ и до Максима Грека. Самые переводы, столь многочисленные въ древней нашей литературѣ, подтверждая знакомство съ языкомъ подлинника, доказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее стремленіе читать на своемъ языкѣ произведенія, наиболѣе удовлетворявшія вкусу того времени. Переводы ходили во множествѣ списковъ, а это одно говоритъ уже о большомъ числѣ читателей, и

---

*) Предубѣжденіе касательно Латинскаго языка замѣчено и литературою, принимающею въ себя многія живыя черты современности. Въ комедіи Фонъ-Визина «Выборъ гувернера» происходитъ между дѣйствующими лицами слѣдующій разговоръ:

Князь: Чему жъ вы сына моего учить хотѣли? Какимъ чужестраннымъ языкамъ?

Нельстецовъ: Начну съ Латинскаго.

Княгиня: Да развѣ ему попомъ быть?

Нельстецовъ: А развѣ Латинскій языкъ для поповъ только годенъ?

Князь: Я не знаю, для чего сыну княжескому учиться по-Латыни.

(Дѣйствіе 3, явленіе 3.)

всѣ идеи, получаемыя ими при чтеніи, являлись въ формѣ знакомой имъ рѣчи, были выражены языкомъ понятнымъ. Тоже самое извѣстіе лѣтописи, которое мы привели выше (П. с. р. лѣтописей I, 65), о переводѣ книгъ съ Греческаго языка, показываетъ, что большинство читателей пользовалось ими въ Русскомъ переводѣ: «и списаша книгы многы, и списка имиже *поучащеся* вѣрніи людье, *наслажаются* ученья божественнаго». Слѣдовательно и урокъ и наслажденіе находили въ чтеніи преимущественно на родномъ языкѣ; на немъ же подавали благой совѣтъ и утѣшеніе, возбуждали надежду, сообщали познанія. Любовь къ родному слову поддерживалась расположеніемъ къ умственному труду, къ «ученью книжному», по выраженію лѣтописи. Тѣмъ сильнѣе была взаимная связь мысли и слова, что пріобрѣтенныя кѣмъ-либо свѣдѣнія не оставались въ немъ безплодными, а составляли, такъ сказать, общее достояніе его современниковъ, прибѣгавшихъ къ совѣту людей извѣстныхъ по начитанности и готовыхъ дѣлиться своими знаніями и опытностью. Въ концѣ X столѣтія сдѣлана у насъ первая и рѣшительная попытка водворить ученіе книжное, и не смотря на то, что ее встрѣтили со слезами люди стараго поколѣнія, въ поколѣніи новомъ она нашла живое и дѣятельное сочувствіе. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство Русскаго писателя XI вѣка, митрополита Иларіона, воспитанника, по всей вѣроятности, того училища, которое открыто въ Кіевѣ при Св. Владимірѣ. Въ высшей степени замѣчательно слѣдующее обращеніе Иларіона къ своимъ слушателямъ или читателямъ: «излагать въ семъ писаніи проповѣдь Пророковъ о Христѣ и ученіе Апостоловъ о будущемъ вѣкѣ было бы излишне и клонилось бы къ тщеславію. Ибо, что *писано въ другихъ книгахъ и вамъ уже извѣстно*, о томъ предлагать здѣсь было бы признакомъ дерзости и славолюбія. *Мы пишемъ не для незнающихъ, а для насытившихся съ избыткомъ книжною сладостію.*»*) Если уже въ XI вѣкѣ были между Рус-

*) Прибавл. къ твореніямъ Св. Отцевъ. Часть 2. 1844. «А еже поминати въ писаніи семъ и пророческаа проповѣданіа о Христѣ, и Апостольскаа ученіа о будущемъ вѣцѣ, то излиха есть и на тщеславіе складняся. Иже бо въ инѣхъ книгахъ писано и вамъ вѣдомо, тіи здѣ положити, то дръзости образъ есть и славохотію. Не къ невѣдущимъ бо пишетъ, но преизлиха насыщшемся сладости книжныя.» стр. 225 и 257—258.

скими люди, до того начитанные, что для бесѣды съ ними требовалось строгаго выбора предметовъ, которые могли бы дѣйствовать на нихъ и новостью и убѣдительностью, то еще большихъ успѣховъ можно было ожидать отъ вѣковъ послѣдующихъ, когда ученіе книжное входило все болѣе и болѣе въ потребность народнаго быта. Прочитавъ Иларіона, невольно вѣришь задушевности словъ другаго древняго писателя Русскаго, Кирилла Туровскаго: «сладко медвенъ сотъ и добро есть сахаръ, обоегоже добрѣе книжный разумъ».*) Какъ Иларіонъ и Кириллъ передавали соотечественникамъ свои убѣжденія на родномъ языкѣ, такъ поступали и всѣ послѣдующіе писатели и вообще люди образованные. Но какъ понимать эту образованность, орудіемъ которой былъ нашъ языкъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и которая неизбѣжно должна была положить печать свою на его историческую судьбу? Къ чему она стремилась и въ чемъ сосредоточивались ея интересы? Источникомъ ея служило Св. Писаніе, изъ него заимствовала и имъ подкрѣпляла она свои убѣжденія; представители ея смотрѣли на жизнь и людей преимущественно съ религіозной точки зрѣнія. Какое же значеніе имѣетъ подобная образованность?... Не считая себя въ правѣ произнести рѣшительный приговоръ въ столь важномъ вопросѣ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что характеръ древнерусской образованности соотвѣтствуетъ характеру общеевропейской образованности въ средніе вѣка. Значеніе послѣдней въ нравственномъ развитіи народовъ опредѣлительно указано Гизо въ его исторіи Европейской цивилизаціи. «Умственное и нравственное развитіе Европы, говоритъ этотъ писатель, есть въ сущности богословское (théologique). Пробѣгите исторію съ V и до XVI вѣка: Богословіе (théologie) правитъ мыслію человѣческою, всѣ мнѣнія носятъ печать богословія; вопросы философскіе, политическіе, историческіе разсматриваются постоянно съ точки зрѣнія богословской. Богословскій духъ былъ, такъ сказать, кровію, которая текла въ жилахъ Европейскаго міра. И это вліяніе было благодѣтельно. Оно не только поддержало и оплодотворило умственное движеніе въ Европѣ; но система ученія и началъ, во

*) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. 133.

имя коихъ оно дѣйствовало, неизмѣримо превышало все то, что когда-либо извѣстно было древнему міру. Въ немъ, въ этомъ вліяніи, былъ залогъ движенія и успѣховъ.»[1]) То, что сознано и объяснено современною наукою, таилось, какъ безотчетное предчувствіе истины, въ убѣжденіи средневѣковыхъ Европейцовъ. Еще въ XII в. говорили въ Европѣ: «на сколько люди вообще превосходятъ безсловесныхъ, на столько люди книжные свѣтскихъ».[2]) Слѣдовательно понятія: люди книжные (les lettrés) и люди духовнаго званія были тожественны. Въ этомъ всего яснѣе выражается и духъ средневѣковой литературы и понятіе о призваніи исключительно духовнаго сословія къ занятіямъ литературнымъ. Различеніе, хотя не столь рѣзкое, духовныхъ отъ мірянъ по степени образованности замѣчается и у насъ, какъ можно судить по названію *вѣжа*, усвоиваемому духовнымъ въ отличіе отъ людей некнижныхъ, называемыхъ *невѣжами*. Въ одномъ изъ поученій, помѣщенныхъ въ «Златой Цѣпи» говорится о страшной отвѣтственности приступающихъ къ св. причащенію держа гнѣвъ на кого-либо: «Аще ли есть *вѣжа* али невѣжа, рекше дьякъ или чтець, или чернець или ерѣи, ω горе и горе таковымъ и прагорѣе всѣ грѣшныхъ» (л. 76 об.—77 об.) Въ другомъ спискѣ поученія это мѣсто читается такъ: «аще ли невѣжа есть, или попъ, или епкпъ, или чернецъ, или діакъ — ω горѣ таковымъ».[3]) Здѣсь понятіе *невѣжа* противополагается понятіямъ: попъ, епископъ, чернецъ, дьякъ; въ первомъ случаѣ *рекше* очевидно относится къ *вѣжа*, а слово невѣжа оставлено безъ поясненія, имѣя одинаковый смыслъ съ словомъ *простецъ*, *простая чадь*, и т. п. Въ той же рукописи, въ словѣ Христолюбца, указывается положительно, кому принадлежитъ названіе *вѣжа*: «не токмо же то творать невѣжи, но и *вѣжи*: *попове* и *книжници*.» — Что касается до призванія духовныхъ лицъ къ дѣлу книжному, къ просвѣщенію, то мысль объ этомъ была у насъ въ древности господствовавшею. Книга была необходимою принадлежностью быта духовнаго лица. Даже строгія аскетическія

---

[1]) Guizot, Histoire de la civilisation en Europe. 6 leçon. 1831, стр. 151 — 152.

[2]) Эти слова принадлежатъ Николаю Клервоскому (Nicolas de Clairvaux), ученику и секретарю Св. Бернарда, умершему въ 1180 году.

[3]) Сборникъ XVI в. въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. № 39, л. 43—44.

правила, предписывавшія совершенную нищету, не только дозволяли, но даже ставили въ обязанность инокамъ имѣть книги. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ требованіе нищеты простиралось до такой степени, что никто изъ монаховъ не имѣлъ права держать въ келіи ничего, ни даже хлѣба и воды; но книги были и должны были быть у всѣхъ и каждаго. Въ жизнеописаніи Св. Кирилла Бѣлозерскаго сказано, что онъ «в келіи ничто же не веляше имѣти, ниже своимъ звати.... хлѣб же или вода или ино что каково в келіи никакоже обрѣташа, кромѣ еже руки умыти. *Аще ли кто к кому пріити случишеся, ничтоже бяше въ келіи видѣти, развѣ иконы и книги.*»[1]) Если обратить вниманіе на подобные факты и принять въ соображеніе общую судьбу Европейской образованности, то въ надлежащемъ свѣтѣ явится вопросъ о направленіи древнерусской письменной словесности и о томъ, что представители ея были преимущественно лица духовныя.

Впрочемъ мы коснулись вопроса объ образованности только по связи его съ выраженіемъ усвоенныхъ ею идей на извѣстномъ, *общедоступномъ* языкѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что при извѣстіи о человѣкѣ *образованномъ*, въ лѣтописи обыкновенно упоминается о его поучительныхъ *бесѣдахъ* въ кругу людей, дорожившихъ разумнымъ словомъ. О митрополитѣ Іоаннѣ говорится: «бысть мужъ *хытръ книгамъ и ученью*, *ласковъ* же ко всякому богату и убогу, книгами святыми *утѣшая печальныя*». О Ростовскомъ епископѣ Пахоміѣ: «бѣ избранникъ Божій, *ласковъ* ко всякому убогому, *исполненъ книжнаго ученья*, всѣми дѣлы *утѣшая* печальныя»,[2]) и т. д., и т. д. Подобныя извѣстія указываютъ на образъ пониманія предками нашими достоинства и назначенія знаній. Едва ли мы подвергнемъ себя упреку въ произвольномъ примѣненіи, если скажемъ, что во взглядѣ на нравственно религіозное образованіе, господствовавшемъ въ древней Руси, представляется сходство съ воззрѣніемъ одного изъ великихъ христіанскихъ мыслителей, на творенія коего не ссылался рѣдкій изъ древнихъ писателей нашихъ.

---

[1]) Сборникъ Троицко-Сергіевой Лавры. № 31, л. 297 об.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 80 и 185—187.

«Когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, говоритъ онъ, то хотя духъ мой и молится, но умъ остается безъ плода. Лучше хочу сказать пять словъ, чтобъ и *другихъ наставить*, нежели тьму словъ на *незнакомомъ* языкѣ.» [1]) — Характеръ знаній въ древній періодъ нашего быта былъ одинъ и тотъ же и для духовнаго сословія и для свѣтскаго, и для высшаго и низшаго классовъ, и для обоихъ половъ. Извсюду равно употреблялся одинъ и тотъ же языкъ, бывшій единственнымъ выразителемъ мысли для всѣхъ и каждаго. О просвѣщеніи и дарованіяхъ свѣтскихъ людей лѣтописцы отзываются почти въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и о лицахъ духовныхъ. Всѣ отзывы ихъ въ родѣ слѣдующаго о князѣ Василькѣ: «бѣ же *сердцемъ легокъ*, до бояръ *ласковъ*; мужьство и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; бѣ бо *всему хытръ и гораздо умѣя*» и пр. [2]) Люди высшаго класса, сильные міра сего «прилежно требують книжнаго почитанія», говоритъ Кириллъ Туровскій, и онъ же занятіе книжнымъ дѣломъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ сословіямъ безъ исключенія: «молю вы, потщитеся прилежно почитати святыя книгы». [3]) Какъ ни скудны извѣстія объ участіи женщинъ въ общественномъ развитіи древней Руси; но и по нѣкоторымъ замѣткамъ, сообщеннымъ вскользь, видно, что условія образованности были одинаковыя для женщинъ, какъ и для мужчинъ. О княжнѣ Евфросиніи Полоцкой сохранилось

---

[1]) 1-е посл. къ Коринѳянамъ. XIV, 14 и 19. — О сочувствіи предковъ нашихъ къ произведеніямъ апостола Павла свидѣтельствуетъ одинъ изъ духовныхъ писателей нашихъ XV вѣка. «Егда въ святѣй церкви, говоритъ митрополитъ Ѳеодосій, начнется о Павлѣ бесѣда, како отвсюду, яко же пчелы на събраніе цвѣтовъ отвсюду, стичются иже надъ властьми, иже подъ властьми, богатіи и нищіи, мудріи и немудріи, многоученіи и малоученіи, съ просители готовословци, иже въ видѣніи и дѣяніи, иже высокаго священникъ сана, иже иночьскаго чина мужіе и жены, всякъ възрастъ, вси чюдятся мужа премудрости.» Примѣнимость ученія великаго апостола къ духовнымъ нуждамъ всѣмъ и каждаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ его непостижимая глубина изображаются весьма нагляднымъ сравненіемъ. «Яко же глубока нѣкая вода — продолжаетъ нашъ писатель — всѣмъ на всяку потребу предлежить, еже пити, еже варити, еже измыватися, еже сады напаати, еже плавати, еже рыбы ловити, глубина же тоя никомуже вѣдома есть. Тако и Павловы словеса всякому виду добродѣтели слышащихъ учитъ, высотою же и разумомъ всѣхъ превьсходя.» (Рпсь XV в., принадл. г. Ундольскому. См. Извѣстія 2-го Отдѣлен. Академіи Наукъ. Т. 2. 1853. стр. 327.)

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 199.

[3]) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. стр. 132—133.

преданіе, что она нѣсколько времени жила при церкви и занималась списываніемъ книгъ, какъ занимались имъ и многіе епископы и князья. Княгиня Верхуслава, дочь Всеволода III, принимала самое живое участіе въ судьбѣ двухъ современныхъ ей писателей, Симона и Поликарпа,[1]) а это показываетъ сочувствіе княгини къ ихъ литературной дѣятельности. Женщина воспитывала князя Михаила Ярославича Тверскаго, и въ данномъ ему образованіи естественно выразился вкусъ воспитательницы. Михаилъ Ярославичь былъ сынъ великой княгини Ксеніи, и премудрая мать, говоритъ лѣтописецъ, воспитала его въ страхѣ Господнемъ, «и научи святымъ книгамъ и всякой премудрости».[2]) Святыя книги являются у насъ на общепонятномъ языкѣ еще со временъ Св. Владиміра, а потому на этомъ языкѣ преподавалась и «всякая книжная премудрость». Не только исторія, даже поэзія народная сохранила воспоминаніе о томъ, что когда то всѣ Русскіе дѣлились мыслію и чувствомъ только на родномъ языкѣ. Въ одной изъ былинъ про времена Владиміра разсказывается о его желаніи найти себѣ невѣсту. Владиміръ былъ идеаломъ народной поэзіи, и выборъ его долженъ былъ отвѣчать его высокимъ достоинствамъ, по понятію о нихъ народа. Требованія свои Владиміръ выражаетъ въ былинѣ такъ:[3])

вы ищите мнѣ невѣстушку хорошую,
вы хорошую и пригожую,
што бъ лицомъ красна и умомъ сверства,
што бъ *умѣла Рускую грамату*
и четью-пѣтью церковному,
што бы было ково назвать вамъ матушкой,
ввеличать бы государыней.

И князю нашли невѣсту, «что и Русскую умѣетъ больно грамоту, и четью-пѣтью горазда церковному». Въ этихъ словахъ, удержанныхъ памятью народа, мы въ правѣ видѣть черту минув-

---

[1]) Въ посланіи къ Поликарпу, по рукописи синодальн. библ. № 163. Симеонъ говоритъ: «пишеть же ми книги (письмо) княгиня Ростиславля, Верхуслава: *аще ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради*». Ср. Истор. Государства Россійскаго. III, примѣч. 171.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. V, 207.

[3]) Памятники и образцы народнаго языка и словесности, издаваемые при Извѣстіяхъ 2-го Отдѣл. Академіи Наукъ. Томъ I, стр. 82.

шаго быта, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой, напримѣръ, можемъ судить о требованіяхъ свѣтской образованности въ началѣ XIX вѣка по отзыву Пушкина о своемъ героѣ: «онъ *по-Французски* совершенно могъ изъясняться и писалъ», и т. п.

Всѣ приведенные мною факты указываютъ на употребленіе людьми образованными общепонятнаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается нѣкоторая связь его, какъ орудія знанія, съ чтеніемъ святыхъ книгъ, а какъ Св. Писаніе переведено на Церковно-Славянскій языкъ, то возникаетъ вопросъ объ отношеніи этого языка къ Русскому. Рѣшеніемъ его объяснится и то, какое участіе имѣлъ собственно Русскій языкъ въ судьбахъ нашей древней образованности. Мнѣнія о Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкахъ, существующія и существовавшія въ нашей литературѣ, довольно разнообразны. Нѣкоторые считали Славянскій языкъ единственнымъ языкомъ нашей древней литературы, употреблявшимся на счетъ Русскаго не только книжнаго, но даже и разговорнаго. Другое, не столь рѣшительное, мнѣніе ставило эти языки въ отношеніе не подчиненности, а взаимнаго дѣйствія, оставляя за церковнымъ преимущество языка письменнаго, и полагая, что Русскій хранился только въ разговорѣ и пѣснѣ. Наконецъ Русскому языку возвращены его права, хотя и не отвергнуто его близкое соотношеніе съ Церковно-Славянскимъ. Было нѣкогда въ ходу такого рода мнѣніе: Греки, переводя священныя книги на Русскій языкъ, образовали его по грамматикѣ и синтаксису своего древняго классическаго языка, и составили книжный или церковный языкъ. Духовенство и высшій классъ народа употребляли книжно-Славянскій языкъ не только въ письмѣ, но и въ разговорахъ, по крайней мѣрѣ до вѣры относящихся; простолюдины подражали симъ двумъ высшимъ государственнымъ сословіямъ. *) Въ другомъ свѣтѣ долженъ былъ явиться вопросъ, когда древній языкъ нашъ подвергли основательному изученію, въ особенности когда утвердилось историческое направленіе, такъ превосходно начатое Востоковымъ, и изученіе Славянскихъ нарѣчій положило твердую основу Русской филологіи. Самостоятельность двухъ род-

*) О подлинности Слова о Полку Игоревѣ. *С. Руссова.* 1834. стр. 6 — 7.

ственныхъ языковъ перестала возбуждать сомнѣніе. Впрочемъ нѣкоторые изъ филологовъ остаются при мысли, что памятники Русскаго языка являются никакъ не ранѣе XIII столѣтія; всѣ же предшествовавшія произведенія Русской литературы писаны по Церковно-Славянски. [1]) Почти въ одно время съ этимъ мнѣніемъ высказано другое, совершенно-противоположное, по которому не только наши лѣтописи, или Русская Правда, или Слово о Полку Игоревѣ, но и творенія Кирилла Туровскаго входятъ не только въ исторію Русской словесности, но и въ исторію Русскаго языка. [2]) Въ филологическомъ изслѣдованіи, излагающемъ историческій ходъ Русскаго языка въ связи съ нарѣчіями соплеменными, признается несомнѣннымъ, что до XIII вѣка языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, и уже въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. [3]) Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей современной филологіи, посвятившій свою дѣятельность преимущественно изслѣдованію Церковно-Славянскаго языка, высказалъ слѣдующее убѣжденіе: «Несправедливо было бы утверждать, что каждая старая форма есть форма Церковно-Словянская, потому именно, что она не находится въ Русскомъ языкѣ. Понятіе, слѣдственно, о вліяніи Церковно-Словянскаго языка на Русскій смѣшиваетъ два начала — Древне-Словянскій и Древній Русскій и едва ли не будетъ справедливѣе признать въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія Церковно-Словянскаго языка, постепенное исчезаніе старыхъ и возниканіе новыхъ формъ.» Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе о связи Церковно-Славянскаго языка съ судьбами нашей образованности. «Въ исторіи нашего просвѣщенія — говоритъ онъ — не столько важенъ вопросъ о вліяніи Церковно-Словянскаго языка на Русскій, сколько обратно вліяніе Русскаго на Церковно-Словянскій. Внесенный вмѣстѣ съ св. книгами, онъ примѣнялся къ

---

[1]) Ломоносовъ въ исторіи Русской литературы и Русскаго языка. *К. Аксакова.* стр. 161 и др. Положеніе VI.

[2]) Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка. *М. Каткова.* стр. 216 — 217.

[3]) Мысли объ исторіи Русскаго языка. *И. Срезневскаго.* стр. 93 — 96.

народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но не принимая въ себя ничего, что рознитъ Русскія нарѣчія, усвоилъ то, что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно въ немъ есть много Русскаго, но ничего Мало-Россійскаго, ничего Велико-Русскаго, ничего Бѣло-Русскаго. Онъ былъ связью племенъ, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи.»[1])

Не входя въ неумѣстное въ настоящемъ случаѣ разсмотрѣніе съ точки зрѣнія современной филологіи вопроса о взаимномъ вліяніи Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ, мы желали бы указать, какъ сами древніе писатели наши понимали свойства литературнаго языка. По всѣмъ соображеніямъ *Русскій* языкъ и *Славянскій* не представлялись въ сознаніи предковъ нашихъ двумя различными языками. Еще Несторъ говоритъ, что «*Славянскій* народъ и *Русскій* одинъ и тотъ же, и прозванъ *Русскимъ* отъ Варяговъ; Поляне получили особое названіе, потому что жили въ поляхъ, рѣчь же, *языкъ* ихъ былъ *тотъ же Славянскій*.»[2]) Слѣдовательно, онъ признаетъ, что слова *Славянскій* и *Русскій* значатъ тоже самое, только первое слово — наше туземное, послѣднее — пришлое, варяжское. Есть извѣстіе, что Св. Константинъ, первоучитель Славянскій, нашелъ въ городѣ Корсуни Евангеліе и Псалтирь «*росьскы писменъ* писано» и человѣка говорившаго по-Руски.[3]) Несторъ же говоритъ, что при Ярославѣ переводили «отъ Грекъ на *словѣньское письмо*»: по всей вѣроятности языкъ обоихъ переводовъ принадлежалъ одному и тому же Славянскому племени. Со временъ Нестора и въ послѣдующіе вѣка слова *Русскій* и *Славянскій* употреблялись одно вмѣсто другаго. Максимъ Грекъ, дѣлая замѣчанія о правильнѣйшемъ переводѣ Св. Писанія и обвиняя позднѣйшихъ книжниковъ, отдаетъ справедливость древнѣйшимъ «приснопамятнымъ преводникомъ святыхъ писаній отъ Греческаго языка на *Руськыи*».[4]) Въ старинныхъ «азбуковникахъ» читаемъ: «въ нашихъ *Словенскаго языка* книгахъ многи рѣчи *намъ Славяномъ* неудобь

---

[1]) Статьи, касающіяся древняго Словянскаго языка. *В. Григоровича.* Казань. 1852. стр. 14 — 15.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 12.

[3]) Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, соч. С. Палаузова. стр. 64.

[4]) Въ словѣ «о исправленіи книжномъ».

разумии обретаются, ихъ же не удоволишася или не потщапася на *Руски языкъ* преложити». Редакція этихъ словарей относится въ XVI и XVII в., и къ употребленіи словъ: *Русскій* и *Славянскій* нѣтъ разницы отъ памятниковъ XI вѣка. Тожество языковъ Славянскаго и Русскаго признавалось не только Русскими, но и другими Славянами. Въ Сербіи было въ XV столѣтіи мнѣніе, что Св. Писаніе первоначально переведено на «Рускій тончайшій» языкъ. *) Но если не было разницы въ названіи, то, быть можетъ, въ самомъ употребленіи люди книжные *съ намѣреніемъ* избирали языкъ церковный, писали по-Церковно-Славянски, между тѣмъ какъ массы говорили по-Русски. Такое мнѣніе, какъ извѣстно, не новость въ нашей литературѣ. Что между Русскими авторами были писавшіе по-Церковно-Славянски, это не подлежитъ сомнѣнію. Исторія Церковнаго языка тѣсно связана съ исторіею Русской письменности; различные періоды Церковно-Славянскаго языка имѣли въ Россіи представителей. Но мы имѣемъ здѣсь въ виду большинство писателей и ихъ личный взглядъ на языкъ, которымъ они писали. Насколько можно уловить этотъ взглядъ въ древнихъ памятникахъ, онъ показываетъ намъ, что исключительное употребленіе церковнаго языка на счетъ Русскаго вовсе не входило въ намѣреніе нашихъ древнихъ писателей. Занимаясь трудомъ литературнымъ, они далеки были отъ мысли придать языку изысканную форму, непохожую на ту, которая являлась невольно, по самому духу языка, въ живомъ говорѣ народа. Самое направленіе литературы преимущественно *поучительное* и связанная съ нимъ необходимость быть общепонятнымъ предохраняли писателей отъ исключительности. Желаніе объяснить какую-либо истину или событіе составляло одно изъ условій, а весьма часто и главную цѣль литературнаго труда. При этой цѣли нельзя было не стараться передать мысль въ формѣ наиболѣе общедоступной, и стремленіе къ общедоступности выраженія замѣчаемъ дѣйствительно у многихъ изъ нашихъ писателей. Если слово, употребленное въ поученіи, считали не для всѣхъ понятнымъ, то вслѣдъ за нимъ предлагали и объясненіе. Въ

*) Статьи, касающіяся древняго Словянскаго языка. *В. Григоровича.* стр. 11.

словѣ о страхѣ Божіемъ за увѣщаніемъ: «потщимся вѣчныхъ избыти мукъ *нелицемѣрною* любовію» слѣдуетъ объясненіе: «Сиеже *лицемѣрство* нарицается, иже богатых дѣля стыдятся, аще неправду дѣют, а сироты озлобляти».*) Въ поученіи, помѣщенномъ въ Златой Цѣпи (л. 43 об. — 45) такъ объясняется слово *врагъ:* «Миръ держите не только съ любовникы, но и со *враги* своими: вѣдомо же свои *врази* намъ то сут, аще ли кто кому сна (= сына) или брат зарѣзалъ» и т. п. Тѣмъ не менѣе, такъ называемые, книжный и разговорный языки представляли между собою явственное различіе. Оно зависѣло отъ характера современной образованности и ея выразительницы — литературы. Сосредоточиваясь на предметахъ религіозныхъ, мысль писателя оставалась въ высшей сферѣ умственной дѣятельности, была иначе настроена, нежели мысль человѣка, думавшаго о житейскомъ благосостояніи, или о борьбѣ и добычѣ, о пирахъ, и т. п. Различіе въ настроеніи мысли не могло не обнаружиться въ различіи слова, и дѣйствительно выразилось, но только не употребленіемъ двухъ различныхъ, хотя и соплеменныхъ языковъ, а въ образованіи двоякаго слога одного и того же языка. Что такое явленіе было рѣшительно неизбѣжно въ исторіи нашего языка, всего лучше доказывается многими новѣйшими попытками сдѣлать народныя нарѣчія литературными. Чѣмъ болѣе авторы переходили въ область предметовъ отвлеченныхъ, тѣмъ болѣе ихъ книжный слогъ отходилъ отъ разговорнаго. Что же касается до древнихъ нашихъ писателей, то они имѣли свои понятія о красотѣ и приличіи слога, и, руководствуясь ими, заботились о достоинствѣ образовъ и выраженій, не допуская ничего плоскаго и тривіальнаго. Выборъ ихъ, часто довольно строгій, имѣлъ одну цѣль — сохранить въ выраженіи достоинство выражаемой идеи. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ доказательства, представляемыя произведеніями древнихъ нашихъ писателей. Изъ нихъ одинъ принадлежитъ почти къ началу нашей древней словесности, другой завершаетъ ее своими твореніями. Съ намѣреніемъ

---

*) Златоустъ. Рукопись Московской Духовной Академіи, XVI в., полуустав. л. 54.

выбираемъ два крайніе предѣла, чтобъ очевиднѣе было сходство во взглядѣ на разсматриваемый предметъ до самаго исхода древняго періода. Достопамятный витія нашъ XII вѣка, Кириллъ Туровскій, бесѣдуя о взаимномъ отношеніи души и тѣла, видимо стремился такой высокій предметъ объяснить самымъ доступнымъ образомъ. Но здѣсь встрѣтилось ему затрудненіе. Высокость идеи требовала избѣгать напоминанія о предметахъ ежедневнаго быта, между коими есть и тривіальные. Существенная же цѣль бесѣды, сообщеніе идеи слушателямъ, заставляла прибѣгать именно къ этимъ предметамъ. Нашъ авторъ уступилъ послѣднему требованію, провелъ по всему слову образъ, взятый изъ ежедневной жизни, и только просилъ простить ему этотъ образъ, чѣмъ и выразилось его уваженіе къ идеѣ. Его литературные пріемы весьма любопытны, какъ черта вѣка. Онъ сравниваетъ душу и тѣло, различнымъ образомъ подвигающіе человѣка на грѣхъ, съ хромымъ и слѣпымъ, приставленными къ саду для сбереженія плодовъ, и склоняющими другъ друга къ нарушенію данной имъ обязанности. «Однажды, говоритъ онъ, слѣпой спросилъ у хромаго: что за пріятный запахъ долетаетъ ко мнѣ? Хромой отвѣчалъ: много прекрасныхъ плодовъ у господина нашего: сладость вкуса ихъ нельзя и разсказать словами. Но онъ себѣ на умѣ: приставилъ тебя слѣпаго, а меня хромаго, чтобы мы не могли пойти и насытиться «благынь» его. Слѣпой ему въ отвѣтъ: за чѣмъ же ты прежде не сказалъ мнѣ объ этомъ, и мы похитили бы данное въ наше распоряженіе. Хоть я и слѣпъ; но имѣю ноги и силу, могу понести тебя и другую ношу.... Если меня спроситъ господинъ о покражѣ, я скажу: ты же знаешь, что я слѣпъ; если тебя, скажи: я хромой и не могу туда дойти. И такъ перехитримъ своего господина и получимъ свою плату. Хромой сѣлъ на слѣпаго, пришли и обокрали все, что было внутри.» Сказавши это, авторъ счелъ нужнымъ обратиться къ слушателямъ съ слѣдующимъ извиненіемъ: «не обвиняйте меня, братія, въ грубомъ способѣ, какимъ объясняю я Св. Писаніе. Какъ птица, когда ноги ея завязли, не можетъ взлетѣть на высоту воздушную, такъ и мнѣ, увязшему въ тѣлесныхъ похотяхъ, невозможно бесѣдовать о духовномъ: не слагаются слова грѣшника, не имѣя влаги Св. Ду-

ха.»*) Эта оговорка доказываетъ, что ораторъ былъ самъ нѣсколько озадаченъ употребленнымъ имъ сравненіемъ. Его смутила, видимо, не тривіальность словъ, а тривіальность самой картины: воображенію представился видъ калѣки, сѣвшаго верхомъ на слѣпца. Слѣдовательно не слово, а предметъ казался неприличнымъ, и предметами-то собственно, а не словами оскорблялся вкусъ и позднѣйшихъ писателей. Но такъ какъ предметъ и его названіе тѣсно связаны между собою, то мало по малу замѣненіе словъ общенародныхъ Церковно-Славянскими входило въ обычай, усилившійся къ концу древняго періода. Что этотъ обычай не скоро вытѣснилъ древнее употребленіе, доказываетъ примѣръ писателя, заключающаго, какъ мы сказали, рядъ древнихъ писателей нашихъ. Я говорю о Св. Димитріѣ (1651 — 1709). Въ розыскѣ о Брынскомъ расколѣ, онъ высказываетъ въ предисловіи свои понятія о различіи слога по разности предметовъ. Авторъ проситъ читателей не удивляться въ его книгѣ *просторѣчію* и *некрасному сочиненію*, оправдывая себя тѣмъ, что писалъ для *самыхъ препростыхъ* людей. При этомъ указываетъ на примѣръ Златоуста и самого Спасителя. Одинъ разъ, говоритъ онъ, когда Златоустъ училъ въ церкви, женщина воззвала къ нему: учитель духовный! глубокъ колодезь твоего ученія, а верви ума моего слишкомъ коротки, чтобы почерпнуть изъ такого глубокаго колодезя. Съ тѣхъ поръ ораторъ отложилъ *риторствованіе* и держался *просторѣчія*. Самъ Христосъ, бесѣдуя съ людьми книжными простиралъ къ нимъ слова, исполненныя божественной *премудрости, приводя свидѣтельство отъ книгъ пророческихъ*; простому же народу говорилъ простыми притчами: царство небесное уподоблялъ человѣку, сѣявшему на селѣ, и купцу, и зерну горчичному, и квасу, который женщина скрыла въ трехъ мѣ-

*) Памятники Россійской Словесности XII в. «Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпець къ хромцю: что се убо благоуханіе извнутрьюду вратъ полетаетъ на мя? Отвѣща хромьць: многа благая господина наю внутрь суть, ихъ же вкушенія неизреченна сладость; но понеже премудръ есть наю господинъ, и посади тебе слѣпа, мене же хромаго, и не можевѣ никакоже тѣхъ доити, и насытитися благынь. Отвѣща слѣпецъ: да почто сего нѣси ми повѣдалъ прежде, да быховѣ не жадала, нъ къ симь даныимъ намь въ область, да она быхомъ собѣ въсхитила? Аще бо азъ слѣпъ есмь, но имамъ нозѣ и силенъ есмь, могій носити тебе и бремя... И тако упремудривѣ господина наю... Въсѣдъ же хромець на слѣпьца, и дошедша окрадоста вся внутренняя благаа господина своего. Но не свою̀йта, братіе,

рахъ муки, и т. п. (Матѳ. XIII, 3—50). *) Слѣдовательно, по мнѣнію Св. Димитрія, достоинство слога состоитъ въ заимствованіи образовъ изъ Св. Писанія; въ простомъ же слогѣ образы берутся изъ ежедневнаго быта, отъ предметовъ самыхъ обыкновенныхъ и незначительныхъ. И такъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ почти одинаково понимались условія литературнаго языка. Разница только та, что Кириллъ Туровскій употребляемый имъ образъ выраженія признавалъ обычнымъ, лично ему принадлежащимъ, а Св. Димитрій допускаетъ его только для людей непросвѣщенныхъ. Св. Димитрій составляетъ во многомъ исключеніе изъ круга современныхъ ему авторовъ, сближаясь въ своихъ произведеніяхъ съ духомъ древней Русской словесности. Другіе же писатели XVII вѣка слѣдовали иному направленію. Литература становилась все болѣе искусственною, а вмѣстѣ измѣнялся и слогъ. То, что было прежде простою потребностью приличія слога, какъ бы ни понимали его авторы, перешло въ XVII в. въ вычурность и претензію на щегольство. Могло случиться, что иные книжники, и въ письмѣ и отчасти даже въ живомъ разговорѣ, стали гнушаться не тривіальнымъ образомъ, а самимъ словомъ, если оно ходило въ общемъ употребленіи народа. Тогда-то оттѣнки слога одного и того же языка переродились въ сознаніи употреблявшихъ его какъ бы въ два особенные языка. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію ведетъ свидѣтельство филолога Лудольфа, автора Русской грамматики. Онъ утверждаетъ положительно, что Русскіе отличаютъ собственно Русскій языкъ (lingua Russica) отъ языка Славянскаго (lingua Slavonica). Лудольфъ говоритъ, что у Русскихъ Славянскій языкъ есть языкъ богослуженія и церковныхъ книгъ; кромѣ того безъ помощи его нельзя ни писать, ни разсуждать о пред-

---

на мою грубость, нелѣпо (т. е. некрасиво, неискусно, неизящно) образъ писанія поставляющю ми, якоже и по ногу вязаща птица нѣсть мощно възлетѣти на аерьскую высоту, сице и мнѣ, въ тѣлесныхъ вязящему похотехъ, невъзможно о духовныхъ бесѣдовати, не слагаетьбося грѣшнича словеса, не имуще влагы Святаго Духа.» стр. 139—141. Въ самомъ языкѣ, даже судя по этому краткому отрывку, много руссизмовъ: не говоря о формахъ, общихъ древне-Русскому языку съ Церковно-Славянскимъ, какъ неопредѣленное наклоненіе на *и*, двойственное число и т. п.: *уоити*, *можевѣ* и проч., много чистыхъ руссизмовъ: *собѣ*, *хромцю*, *жадати* и проч.

*) Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ. 1709. стр. 2 и слѣд.

метахъ учености и познаній, и чѣмъ ученѣе кто хочетъ прослыть, тѣмъ больше славянизмомъ употребляетъ и въ рѣчи и въ письмѣ. Въ обыкновенномъ же разговорѣ никто не употребляетъ Славянскаго языка, да и названій многихъ вещей, необходимыхъ въ ежедневномъ быту, нѣтъ въ Славянскихъ книгахъ. Даже подсмѣиваются надъ тѣмъ, кто черезчуръ любитъ красить обыкновенную рѣчь славянизмами, такъ что у Русскихъ есть поговорка: «говорить должно по-Русски, а писать по-Славянски» — loquendum est Russice et scribendum est Slavonice.[1]) Свидѣтельство Лудольфа относится къ концу XVII вѣка, и подтверждается свидѣтельствомъ Русскаго писателя, образовавшагося въ самомъ началѣ XVIII в., именно Тредьяковскаго (род. 1703). Въ «Ѣздѣ на островъ Любви», переведенной имъ, когда онъ былъ еще студентомъ, Тредьяковскій говоритъ, обращаясь къ читателю: «На меня, прошу васъ покорно, не изволте погнѣваться, (*буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны*) что я оную не Славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собои говоримъ.» Самая важная причина этому состояла въ томъ, что «языкъ Словенской, продолжаетъ авторъ, нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего *не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми*: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ Славенскимъ особымъ *рѣчеточцемъ* хотѣлъ себя показывать.»[2]) Слова Тредьяковскаго

---

[1]) Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii. 1696. «Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessarja est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri impressi, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, verum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior caeteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturae immiscet, licet nonnulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant.... Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita e contrario nemo domestica et familiaria negotia sola lingua Slavonica expediet, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non extant in libris, e quibus lingua Slavonica haurienda est.» Praefatio. Лудольфъ замѣчаетъ, что только одна книга напечатана на народномъ языкѣ (vulgari dialecto), именно Уложеніе; но и тамъ нѣкоторые обороты составлены по Славянской грамматикѣ. Изъ писателей всѣхъ болѣе, по его мнѣнію, воздерживается отъ славянизмовъ Симеонъ Полоцкій, но не смотря на то въ сущности у него все Славянское — omnia sunt Slavonica.

[2]) Сочиненія Тредьяковскаго, изд. Смирдина. 1849. Т. III, стр. 649 — 650.

показываютъ, что и самъ онъ говорилъ по-Славянски, а также, судя по выраженію: «если вы еще держитесь славенщизны», что въ его время были еще люди, для которыхъ имѣла значеніе приведенная Лудольфомъ поговорка о языкахъ Славянскомъ и Русскомъ. Такое разъединеніе двухъ элементовъ Русскаго языка является уже въ позднѣйшую, переходную эпоху, но оно было чуждо древнему періоду.

Даже въ XVII столѣтіи произведенія писателей просвѣщенныхъ отличались отъ произведеній авторовъ, неполучившихъ образованія, не столько особенностями языка, сколько высотою и направленіемъ мысли, не вполнѣ доступными для людей необразованныхъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытнымъ памятникомъ служитъ опытъ нашего литератора самоучки писать простымъ и общедоступнымъ языкомъ въ противоположность цвѣтистому краснорѣчію извѣстнѣйшаго стилиста того времени — Симеона Полоцкаго. Взявъ за образецъ «Обѣдъ душевный» и «Вечерю душевную» этого оратора, одинъ священникъ «на Орлѣ городкѣ», Пермской губерніи, составилъ (около 1684 г.) рядъ поученій подъ названіемъ *Статиръ*. Кромѣ идеи и плана сочиненія, авторъ заимствовалъ у С. Полоцкаго много отдѣльныхъ мѣстъ въ «словахъ», и способъ передачи этихъ мѣстъ тѣмъ любопытнѣе, что, по свидѣтельству автора, *слогъ* С. Полоцкаго былъ неразумителенъ простымъ людямъ: «Обѣдъ же и Вечерю отца Симеона П. слогъ, тая простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати.» Поэтому въ Статирѣ можно бы ожидать совершенно другихъ словъ и оборотовъ при выраженіи мысли, заимствованной изъ сочиненій Полоцкаго. Но на дѣлѣ выходитъ иное: представимъ фактическія доказательства. Въ Словѣ въ недѣлю 3-ю по Пасхѣ читаемъ въ Статирѣ: «Нѣсть живаго с мртвыми (= мертвыми), нѣсть во гробѣ истощившаго гробы, нѣсть во тли нетлѣннаго, воста животъ отъ гроба; но престаните отъ слезъ и пріимите радость, и возвратитеся вспять, и рцыте оученикомъ и Петрови, да идутъ въ Галилею и тамо Его оузрятъ, якоже прежде рече имъ.» *) У Симеона Полоцкаго

*) Статиръ, рукопись Румянцевскаго музеума, № 411, по описанію Востокова; л. 39 об. — 40.

въ «Обѣдѣ душевномъ» тоже самое выражено слѣдующимъ образомъ: «Нѣсть живый съ мертвыми. Нѣсть во гробѣ испраздивый гробы. Нѣсть во тли нетлѣнный, воста животъ отъ гроба.... Радуйтеся, идите возвѣстите братіи моей, да идутъ въ Галилею, и тамо мя видятъ.»[1]) Приведенныя слова начинаютъ и оканчиваютъ повѣствованіе, занимающее три страницы. Выраженія въ проповѣди С. Полоцкаго, опущенныя нашимъ Пермскимъ авторомъ, составляютъ распространеніе той же самой мысли, т. е. что Спаситель воскресъ. Распространенія имѣютъ видъ риторическихъ фигуръ: единоначатія, обращенія и т. п.: «*Воста* первенецъ изъ мертвыхъ, яко женихъ отъ чертога. *Воста* яко спя Господь и воскресе, спасая родъ человѣческій. *Воста*, да и мы востанемъ отъ грѣха во спасеніе, и во животъ отъ смерти» и т. д., или: «плачютъ и миро приносятъ; плачютъ не цѣны мира тщеты» и пр. — Въ словѣ въ недѣлю 4-ю по Пасхѣ въ Статирѣ: «Можаше и сей помыслити в себѣ сице: кто есть сей, вопрошаяй мя: хощеши ли целъ быти, вѣсть, яко болный ничтоже желаетъ паче здравія, ничтоже любитъ паче целости тѣлесныя, видитъ мя бѣдна, разслабленна, неимуща никогоже помогающа, и толико лѣтъ присѣжу здѣ не иныя ради вины, точію здравіе получу отъ воды, обаче вопрошаетъ мя: хощеши ли цѣлъ быти? Не оутѣшити мою бѣдность сей пріиде, но токмо поругатимися окаянному. Но ничтоже сего помысли, ниже что мало показа въ сѣбѣ нетерпѣнія.»[2]) Въ словѣ въ туже недѣлю у Симеона Полоцкаго: «Можаше бо в себѣ помыслити сице: кто сей есть, вопрошаяй мя: хощеши ли цѣлъ быти; вѣсть, яко больнымъ ничтоже есть желателнѣе здравія, ничтоже любителнѣе цѣлости: видитъ мя бѣдна, разслабленна, неимуща доброты и движенія, прилежаща купѣли не иныя вины ради, точію да цѣлость получу воды возмущеніемъ, обаче вопрошаетъ мя: хощеши ли цѣлъ быти; не оутѣшити мя бѣднаго сей пріиде, но поругатися окаянному. Сице же мысля, можаше поне возроптати на вопросивша: обаче ничтоже онъ сицево помысли, и ни мала знаменія показа по

---

[1]) Книга Обѣдъ душевный, Симеона Полоцкаго, напечат. въ Москвѣ 1681 г., л. 28 об. — 30.

[2]) Рукопись «Статиръ», л. 47.

себѣ истерпѣнія»[1]). Въ свою очередь, авторъ позволялъ себѣ иногда прибавить два-три выраженія къ оригиналу. Такъ въ 1-мъ Словѣ въ день Вознесенія Симеонъ Полоцкій говоритъ отъ лица «оставленныхъ»: «Отче, оучителю и Господи, вскую ны тако сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волкъ безъ пастыря, и яко корабль посредѣ моря безъ кормчія»[2]). Соотвѣтствующее мѣсто въ Статирѣ: «О оучителю нашъ и Господи, вскую ны сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волковъ бес пастыря; яко голуби посредѣ растерзателныхъ ястребовъ, и яко корабль посредѣ свирѣпаго моря на разбитіе волнамъ горо-подобнымъ без кормчія, и яко виноградъ зеленый бес стража на потоптаніе онагромъ и осломъ дивіимъ»[3]) Такого же рода, какъ приведенныя нами, и всѣ другія заимствованія автора Статира изъ твореній Симеона Полоцкаго. Изъ сличенія мѣстъ заимствованныхъ съ другими мѣстами оригинала оказываетс,я что позднѣйшій составитель поученій выбиралъ изъ своего образца только то, что считалъ понятнымъ всѣмъ и каждому, оставляя нетронутыми мысли отвлеченныя и положенія замысловатыя. Видно, что не слова и даже не сочетаніе словъ у С. Полоцкаго были чужды его подражателю, а предметы, выраженные этими словами. Различіе въ предметахъ, доступныхъ сознанію и сочувствію обоихъ писателей, опредѣлялось различіемъ ихъ въ степени образованія. Житель малоизвѣстнаго уголка Россіи, человѣкъ, который, по собственному признанію, и не слышалъ какъ учатся грамматикѣ, а философіи и въ глаза не видѣлъ[4]), не могъ соперничать съ ораторомъ столицы, питомцемъ академій и воспитателемъ Наслѣдника Престола, ученымъ, обладавшимъ обширными свѣдѣніями и любившимъ приводить своимъ слушателямъ не только слова Св. Писанія и Отцевъ Церкви, но и мнѣнія Демосѳена,

---

1) Обѣдъ душевный, л. 44 — 44 об.

2) Тамъ же, л. 72.

3) Статиръ, л. 77 — 77 об.

4) «Окромѣ буквы, часослова и псалтыри ничтоже учих, и то несовершено, граматикія же ниже слышах, како ея навыкаютъ, а зря ея ано иноязычна ми зрится, риторики же ни мало покусихся, а философію ниже очима видахъ, мудрыхъ же мужей ниже гдѣ на пути в лице ѹзрѣтохъ». Статиръ. Предисловіе къ читателю' л. 6 об.

Гераклита и другихъ представителей образованности древняго міра.

Примѣръ замѣчательнаго Пермскаго литератора показываетъ, что и въ концѣ древняго періода нашей словесности, какъ и въ его началѣ, литературныя произведенія различались между собою, въ понятіи ихъ современниковъ, болѣе предметами и цѣлью, нежели языкомъ въ собственномъ смыслѣ. Языкъ же, по своему составу, по словамъ и ихъ соединенію въ ходѣ рѣчи, оставался всегда общедоступнымъ, не препятствуя разумѣнію мысли, если мысль была такого рода, что для усвоенія ея требовалось одного только знанія языка.

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что литературный языкъ въ древней Руси находился въ прямомъ соотвѣтствіи съ характеромъ самой литературы и съ образованностію народа, и служилъ залогомъ его народности. Ни одинъ классъ народа, ни одинъ кругъ класса не измѣнялъ родному слову. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что, говоря вообще, Русскіе были довольно знакомы съ языками иностранными. Знаніе языковъ условливалось четырьмя обстоятельствами: международными сношеніями, путешествіями, распространеніемъ Вѣры и требованіемъ образованности. Сносясь со многими народами, близкими и отдаленными, Русскіе, по всей вѣроятности, были знакомы съ иностранными языками болѣе, нежели другіе Европейцы. Это знакомство принадлежало всѣмъ классамъ безъ исключенія, и пріобрѣталось навыкомъ, безъ опредѣленной наукою методы. Хотя простое знакомство съ иностранными языками никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ основательнымъ, систематическимъ изученіемъ языковъ, однако и оно не почитается современными филологами за фактъ совершенно ничтожный въ умственной жизни народа *). Значительно менѣе было число узнававшихъ чужіе

*) Ср. Ueber die Stellung der vergleichenden Sprachwissenschaft in merspra-chigen Ländern, von *Schleicher*. Prag, 1851, стр. 13: «Die vertrautheit mit uns im täglichen verkere lebendig entgegentretenden sprachen ist ein ungleich grössere,

языки въ путешествіяхъ. Этотъ недостатокъ замѣнялся изученіемъ языковъ нашими миссіонерами, которымъ нельзя не отдать полной справедливости: свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя ими, были положительныя, извѣстія о чужихъ языкахъ точныя. Озаряя свѣтомъ народы невѣрные, Русскіе въ свою очередь принимали просвѣщеніе, развившееся на югѣ Европы гораздо ранѣе, нежели на востокѣ и западѣ ея. Сочувствуя южно-Европейской образованности, они изучали языкъ Греческій; свойства его были предметомъ особеннаго вниманія, какимъ пользовались и произведенія, писанныя на этомъ языкѣ. Зная Греческій языкъ, предки наши не были равнодушны и къ его обычному спутнику въ исторіи просвѣщенія Европейскихъ народовъ — языку Латинскому. Но всѣхъ выше цѣнимъ и постоянно употребляемъ былъ родной языкъ. На немъ раздавалась пѣсня и повторялось преданіе старины: отъ колыбели и до могилы родные звуки окружали Русскаго человѣка. Понятный же, общедоступный языкъ оставался неизмѣннымъ орудіемъ и выраженіемъ образованности.

Въ предложенномъ очеркѣ мы старались представить въ совокупности данныя, которыми можетъ быть объяснено нѣсколько чертъ нашего минувшаго быта. Сообразно съ условіями «очерка», мы должны были приводить факты наиболѣе характеристическіе, будучи убѣждены, что пополненію фактами какихъ бы то ни было свѣдѣній нельзя назначить предѣлы. Намъ остается желать, чтобы неназванные нами факты служили не опроверженіемъ высказанныхъ въ очеркѣ мыслей, а подкрѣпили бы ихъ новыми доказательствами.

als die, welche wir uns in der schule erwerben bei sprachen, die im späteren leben nur verhältnissmässig seltener in rede und schrift zur anwendung kommen. schreiben wir mit recht der erlernung mererer sprachen einen geistesbildenden einfluss zu, so wird da jene eigenthümliche geistesgewantheit, die bei dem gebrauche fremder sprachen erforderlich ist, in ungleich höherem masse erworben, wo in zwei sprachen gelebt wird, als da, wo sprachen in der schule erlernt werden.»

Самымъ вѣрнымъ путемъ къ избранной цѣли считали мы изученіе фактовъ, сохранившихся отъ той эпохи, когда бытъ, привлекающій къ себѣ въ наше время вниманіе науки, возбуждалъ не желаніе изслѣдовать его и объяснять, а живое сочувствіе людей, для которыхъ онъ былъ дѣйствительностью. Тѣмъ безпристрастнѣе свидѣтельства ихъ о томъ, изъ чего не желали извлекать какой либо идеи или теоріи, а что высказывалось невольно, по врожденному стремленію человѣка высказать то, что лежитъ у него на душѣ, надъ чѣмъ приходилось ему позадуматься, или что передать другимъ требовала его совѣсть. Поэтому мы признавали необходимымъ обращаться всегда къ несомнѣнному свидѣтельству фактовъ, и по возможности брать изъ нихъ только то, что они дѣйствительно даютъ. Мы рѣшительно далеки были отъ желанія дать просторъ заранѣе мелькнувшей идеѣ, и еще далѣе — чувству. Съ одною мыслью не могли мы разстаться въ теченіе всего труда, съ мыслью — ближе узнать то, что «было и былью поросло», по прекрасному выраженію народной поэзіи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что то, «что будетъ, будетъ не по старому, а по новому *)».

---

*) Русскія народныя сказки, изд. *Сахаровымъ*, 1841, стр. 95.

2007056192